

Мария Фомальгаут
Летящие в сны

Мария Владимировна Фомальгаут

Летящие в сны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797720

ISBN 9785447436728

Аннотация

Книга содержит подробную инструкцию о том, как нужно правильно посещать сны, чтобы не потеряться. И почему нельзя играть с фрисби. И как делать открытия.

Содержание

Венец творения	5
В Вазе Я	9
Переживем непогоду	17
Айль Эрч Эрч	20
Фрисби	25
Кровь земли	28
Время горчит к полуночи	47
Ветер стучит в окно	60
Второстепенный	67
Доигравшиеся	71
Для всех	102
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Летящие в сны

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Венец творения

К концу двадцатого века люди достигли всего, о чем мечтали – они поднялись в небо, и опустились на дно океана, достигли Луны и ближайших планет, раскрыли тайны пространства и времени и заглянули на край вселенной. Огромные города поднимались над землей, скоростные машины неслись по трассам, человеческая мысль проносилась над земным шаром на огромной скорости – без проводов, от монитора к монитору.

У людей было все, чего они хотели достичь – кроме одного, быть может, самого главного. Люди не смогли достичь бессмертия, сколько они не пытались продлить жизнь – но гибель все равно была неизбежна.

Тогда люди создали нас – как венец творения. Мы не знаем, зачем изначально люди сотворили нас, для каких целей. Кажется, люди просто породили нас от безысходности, чтобы создать хоть что-то по-настоящему бессмертное.

Мы быстро вошли в жизнь людей – люди вообще быстро ко всему привыкают. Мы помогали людям везде, где только можно – в магазинах, на фабриках, дома, на работе, в пути... К концу века уже стал привычным образ человека, идущего по улице с кем-нибудь из нас – мы всегда были готовы поднести продукты или куртку с плеч хозяина, если он снял ее от жары.

Нас становилось все больше. Поначалу люди берегли нас как зеницу ока, мыли, сушили, чтобы мы служили им еще и еще. Но чем больше нас становилось, тем меньше нами дорожили – нас использовали раз, другой, бросали на улице, выбрасывали на помойку. Нам не было обидно, что нас бросают на свалку – нам было все равно, служить людям или лежать на земле.

Потому что – мы не умирали, мы были бессмертны.

Нас растаскивали птицы и мелкие звери – видно, догадались, что мы бессмертны. Мы умели летать по воздуху – и разлетались на километры и километры, появлялись там, где нас никто не ждал.

Нас становилось все больше – больше, чем людей. Скоро люди почувствовали неладное, начали бороться с нами – с теми, кого сами же и создали. Нас пытались жечь – но сгорая, мы выделяли ядовитый дым, и люди запретили сжигать нас. Мы попадали в океаны – и губили там рыб, мы были повсюду. Нас ловили, перерабатывали на каких-то фабриках – но меньше нас не становилось.

Кажется, люди сами испугались того бессмертия, которое создали. Они завидовали нам – и боялись нас, за нами шла настоящая охота. И в то же время мы по прежнему жили с людьми, служили им в магазинах и офисах, собирались в квартирах – по несколько десятков, а то и сотен штук. Разные, разные – цветные, прозрачные, белые, с картинками, с надписями и без. Дети тайком ловили нас и жгли на ко-

страх, получали нагоняй от взрослых, но все равно ловили и жгли...

Нас становилось все больше, людей – все меньше. Люди начали создавать новые модели таких, как мы – уже смертных, которые служили год-два и рассыпались в прах. Но мы, первые поколения, никуда не исчезали, по-прежнему царили на свалках, в лесах, на берегах океанов.

Шли годы. Города потихоньку рассыпались в прах, становились безлюдными, некогда густонаселенные районы пустыли, человечество как будто потихоньку изжило само себя. Мы видели, как опустел Нью-Йорк, как последние люди Москвы перебрались из столицы в какие-то пригороды, как медленно дотлевали огромные городские свалки. И только мы оставались – такие же бессмертные и неуязвимые, как раньше. Мы летали по всему миру, плавали по океанам, мы видели, как рухнула Эйфелева башня в оставленном людьми Париже, как обвалился Бруклинский мост.

В какой-то день мы поняли, что остались одни – без людей. Никто больше не брал нас с собой в магазин и на работу, никто не бросал нас на улице, никто не жег нас тайком ото всех. Мы видели, как рушились города, как становились бесцветными флаги бывших держав, как флаги срывал и уносил ветер. И мы летали по ветру – цветные, прозрачные, белые, с картинками, с надписями и без...

...полиэтиленовые пакеты, в которых человек воплотил свою давнюю мечту о бессмертии.

2011 г.

В Вазе Я

– ...разметало нас по свету.

– А?

– Разметало нас, говорю, по свету.

– Да... разметало.

Хочу предложить – как бы нам собраться всем вместе – тут же умолкаю, самому смешно...

– А с тобой еще ничего... а то я с одной встретился... тоже вместе раньше были... так она меня чуть не убила.

Не отвечает. Наверное, не услышала. Чертит на песке непонятные знаки, на всякий случай обхожу их стороной, чтобы не смахнуть.

Зачем я это сказал... про свою бывшую, с которой были вместе...

Зачем я вообще ее встретил.

Здесь.

Я ее узнал.

Нет, не сразу, конечно, еще разминулись, еще покосился – она не она – и как торкнуло что-то в груди. Остановился, окликнул, уже не помню, как окликнул, забыл, как зовут...

– Привет.

Обернулась, посмотрела – косо-косо, недоверчиво.

– Ну, привет.

И пошла дальше. Как ни в чем не бывало. И снова торкнуло что-то в душе, не можешь ты так просто уйти...

Пошел за ней – еще покосилась на меня, мол, что надо-то, я чуть отступил назад, не бойся, не трону...

– Давно с тобой не виделись.

– А?

– Давно, говорю, не виделись.

Кивает:

– Да-а... давно.

– Сто тысяч лет, наверное, не меньше?

– Ну что ты... больше. Миллион.

Тоже киваю. И чувствую, что не виделись мы больше миллиона лет. Мне кажется – вечность прошла. Или две вечности.

Иду за ней. Опустошенный, растерянный. Нужно что-то сказать ей, хоть спросить что-нибудь, который час... Да нет, вот мои часы при мне, не прокатит. Или – что за знаки она чертит на песке. Или... все что угодно, только не дать ей уйти, не может она просто так уйти...

...ведь когда-то мы были вместе...

– А ты изменилась.

– Что?

– Ты изменилась, говорю... совсем другая стала.

Замирает. Смотрит на меня. Оценивающе.

– Да... ты тоже совсем другой.

Иду за ней – сам не знаю, зачем. Идет – рисует на песке тайные знаки. Не может она уйти просто так, не может – после того, что было между нами, а ведь было же, помню же, зеленые луга, залитые солнцем, мы с ней – рука об руку – спускаемся к реке, сейчас уже не помню, что такое река, что такое рука...

– А ты где живешь?

– А? – оборачивается, косится на меня единственным рубиновым глазом.

– Где живешь, говорю?

– Все там же.

Киваю. Хотя совершенно не понимаю, где это – все там же, как ее побросала судьба по свету за миллионы лет...

– А это где – все там же?

Смотрит на меня – как мне кажется, недоумевающее.

– А то сам не знаешь.

Пытаюсь состричь.

– Ну, не иначе, как на Луне.

– Шутишь.

– Шучу. Тогда на Марсе.

– Да ну тебя...

– Нет, правда – где?

Мерцает рубиновым глазом.

– Под звездой Альтаир.

– Я почему-то сразу так и подумал.

Идет куда-то – по своим делам, как будто не замечает ме-

ня, даже начинаю сомневаться, да точно ли она меня помнит, правда же, сколько лет прошло... Чиркает знаки, приглядывается, если не нравится – смахивает, чертит снова.

– А я сейчас в двух местах... Мицар звезду знаешь? Вот я там. И еще рядышком, под звездой...

Кивает. Сверкает рубиновым глазом. Помахивает щупиками. Будто и не замечает меня, будто и не помнит меня, идет через пустыню, по каким-то своим делам, не поймешь, каким, меня в ее мире как будто и не существует.

– Что ты так... хоть бы встретились где-нибудь, поговорили...

– Да как ты смеешь...

Оборачивается – злая, кипит, клокочет, – мерцает рубиновый глаз.

– А что такого?

– После того... что ты сделал... тогда...

Холодею. Не помню, что я сделал. И когда – тогда. Столько лет прошло, тут уже самого себя не помню, какой я тогда был, как только вспомнил ее...

И все-таки... не хочется отступать... так быстро...

– Слушай, а я не помню, а что я сделал?

Останавливается. Замирает. Прислушивается – к безмолвию пустыни.

– И я не помню... миллионы лет прошло... но нехорошее что-то...

– Так давай будто бы и не было ничего...

– Было же...

– Что было... Мне, может, самому было бы стыдно за то, что было... что я там сделал...

Идем – через пустыню, из ниоткуда, в никуда. Почему-то не так я представлял себе нашу встречу... да я ее никак себе не представлял...

– Кем работаешь?

– А?

– Кем работаешь, говорю?

Она отвечает – каким-то замысловатым словечком, об которое сломаешь не только язык, но и голову. Почему-то стесняюсь спросить – что это значит.

– А ты?

Отвечаю. Кивает. И видно по ее рубиновому глазу, что она тоже ничего не поняла...

Нет, второй глаз у нее тоже есть – совсем крохотный, под первым, рядом с зачатками носа и рта. И длиннющие пальцы, одни пальцы, без рук. И толстенный хвост, извивается, хлопает, прыгает по песку. Рисует фигуры.

– А то... заходи как-нибудь.

– А?

– Заходи как-нибудь... говорю.

– Спасибо. Как-нибудь.

Говорит так, что я понимаю – не зайдет. Слишком большое расстояние между нашими мирами. И я к ней – не зайду, чувствую, мне там будут не рады...

Идем. Через пустыню. В никуда.

Хочу спросить ее адрес, хоть радиоволну – и не спрашиваю. Диктую частоту своей волны – на всякий случай.

– Спасибо.

Говорит таким тоном, что я понимаю – она со мной не свяжется.

И все-таки... не может это быть... так... после всего, что было, после всего, что мы пережили, черт возьми, были же вместе, когда-то, так давно, что уже и не помним, как это было. Но было же, трава, высушенная августом, солнце утонуло в заводи, серпик месяца запутался в ветках, идем куда-то – по траве, какой тогда был я, какая тогда была она, какие мы были...

Изменился...

Киваю. Наверное, она права. Наверное, я и правда совсем другой, не помню, каким я был раньше. Но каким-то был. Не всегда же я был огромным мозгом – сияющим, горячим – в окружении электромагнитных полей... И она тоже не всегда была такой. Когда-то она была такая же, как я.

А тогда... не помню никакого тогда, даже если подниму и перелопачу историю поколений и поколений – не вспомню, прошлого уже нет, разметало его, как раз...

– ...разметало нас по свету.

– А?

– Разметало нас, говорю, по свету. По всей вселенной.

– Да... разметало.

Хочу предложить – как бы нам собраться всем вместе – тут же умолкаю, самому смешно...

– А с тобой еще ничего... а то я с одной встретился... тоже вместе раньше были... так она меня чуть не убила.

Не отвечает. Наверное, не услышала. Чертит на песке непонятные знаки, на всякий случай обхожу их стороной, чтобы не смахнуть.

– Как... чуть не убила?

– Так... буквально... из пушки из какой-то целилась.

– Кошмар.

Она доползает до глубокой впадины, где тысячи лет назад плескалась вода. Взмывает в воздух. Вспархиваю за ней, не могу оторваться, как это она летает, сама по себе, без ничего... А до корабля мне теперь идти и идти, далекомько она меня завела...

– А... как же...

Мерцает рубиновым глазом.

– А-а... всего хорошего.

Оставляет меня. Наедине со мной. Наедине с пустыней. Наедине со вселенной...

А как же... было же когда-то... что-то... не помню... историю с четвертого раза сдал, да и сам наставник, похоже, историю эту не лучше меня знал... Там, где мы жили все вместе, пока не разметало нас по свету. Ой-ой-мена... или Ку-ку-мена... вертится на языке... были же... вместе... За-ме-ла... нет, неправильно, правильно говорить – Замеля.

И это... Ги-Пед... Ра... Я В Ропе, В Вазе Я...

Не помню. Вспомнил бы, рассказал ей, а так что рассказывать, чего сам не знаешь... Но было же, какие-то сны, не мои, чужие, заблудившиеся, после которых просыпаешься – и мозг раскаляется докрасна, так, что плавится ложе...

Было же... трава, иссушенная августом, солнце утонуло в заводи, месяц запутался в ветках... Рука об руку, босиком по траве, вместе...

Были же...

...вместе...

2012 г.

Переживем непогоду

А непогоду мы переждем.

Как всегда пережидали, так и сейчас переждем.

Не привыкать.

А ты не бойся, родная. Все переживали, и это переживем.

Ты вздрагиваешь от раскатов грома, ты прижимаешься ко мне. Не бойся, я уберегу тебя от грозы, как уберегал всегда.

Переждем.

Укроемся в шалаше.

Переждать всего-то ничего, долго ли гроза будет бушевать – час, два, ночь, а к рассвету, глядишь, и утихнет.

Переживем непогоду. Свирепствует метель, рвет и мечет ветер – а нам в избе тепло. Не век же непогоде бушевать, седмицу отбушует – и утихнет, не век же метели быть. Это там, на улице буран воет, а мы у очага теплого сидим, хозяйка рассказывает детям сказки.

Не бойся, родная, переживем.

Все пережили, и это переживем. Не вечно же зиме быть, не вечно же урагану бушевать, не вечно же земля будет закована в лед. Ученые сказали, еще три тысячи лет так будет, и все, и на весну дело повернет, там и снег начнет таять, там и трава из-под снега пробьется. Да нет, не как у нас в оранжереях трава, а настоящая, сочная, знойная, солнцем нагретая...

Там и из бункера выйдем. Все пережили, и это переживем. Это не всегда так будет, что солнца нет.

А ты не бойся, родная. Переживем. Ну, погасло солнце, ну рассыпалось в прах – это ничего. Вон, покрутятся остатки солнца, соберутся в туманность, дальше в пылевое облако... Это не я, это ученые говорят, ученым верить можно.

А там и пылевое облако в звезду соберется, там и новое солнце вспыхнет. Как Иоанн Богослов говорил, и увидел я новое небо и новую землю. Там и земля новая будет, там и на землю переберемся, не век же на станции барахтаться... ничего, вспомнишь, родная, как люди на земле жили, у них, говорят, и руки-ноги короче были, и головы не как у нас...

Ничего, переживем. Тут, главное, чтобы сверхновая в туманность перекинулась, а не в черную дыру. Ну да ничего, у нашего солнца кишка тонка в черную дыру перекинуться...

Так-то.

Сидим у очага, откуда энергия идет на станцию. Рассказываем друг другу сказки, как раньше было одно солнце, потом другое солнце, потом и третье солнце было, и народ великий от солнца к солнцу кочевал.

Так и тут туман рассеется, новое солнце появится. Быть не может иначе, как иначе-то, последняя звезда осталась. Она у нас такая, с характером, то погаснет, то потухнет... то есть, я хотел сказать, то померкнет, то снова загорится.

Ты погоди, родная, какие-то миллиарды лет остались, может, доживет человечество, как всегда доживало...

В вечной пустоте того, что когда-то было космосом, темнеет черная дыра, вращается вокруг неё что-то проржавленное, истлевшее, болтаются в пустоте истлевшие остовы, сжимают высохшие пальцы...

2013 г.

Айль Эрч Эрч

Система Айль Эрч Эрч – единственная в Серебряной Спирали, которую настоятельно рекомендуем Вам посетить, не обходить стороной благодатные места. Если вы ищете систему с богатейшим историческим прошлым и знаменательным будущим – то добро пожаловать на Айль Эрч Эрч в самый разгар курортного сезона.

Кажется, что мы больше не знаем про Айль Эрч Эрч, чем знаем, несмотря на миллиардовековую историю и бесчисленный поток туристов в курортный сезон. Айль Эрч Эрч – мирообразующий край, опора всей галактики, крупнейший во вселенной производитель смертей. Если Вам повезет попасть в разгар сезона, можете отлично запастись смертями по низкой цене.

Прямым текстом:

– За последние полвека мы вышли по производству смертей... кхе на лидирующие позиции и не собираемся... кхе... их сдавать. Благодаря новейшим технологиям, мы можем обеспечить запасом смертей все электростанции галактики, а так же... кхе... экспортировать смерти в ведущие регионы крупнейших галактик... эх-х-хкхе-к-ке...

Прямой текст: О Йль, генеральный директор «Мертвого концерна», по совместительству министр обороны одной из ведущих стран Айль Эрч Эрч.

Вернемся к Айль Эрч Эрч. Напоминаем вам, уважаемые отдыхающие, что если вы хотите приобрести смерть оптом, то охотничьи удостоверения на оптовые покупки не распространяются: вам придется обратиться в ближайшее отделение Мертвого концерна, то есть, в любое Министерство Обороны. Если Вам повезет, и на складе окажутся готовые войны, специально для вас за вполне демократичную сумму развяжут войну с массовыми смертями.

Айль Эрч Эрч – благодатный край, недаром считается крупнейшим в мире целебным курортом, где проходят, казалось бы, неизлечимые хвори. Все дело в уникальной атмосфере Айль Эрч Эрч, где воздух буквально пропитан страхом. За вполне умеренную плату Вы можете заказать уникальную экскурсию по благодатным землям Айль Эрч Эрч, по так называемым Каменным Скопищам, где показатели страха превышают все мыслимые уровни. Обученный гид подберет для Вас костюмы и грим, чтобы вы не отличались от местных жителей. Вас проведут по ущельям Каменных Скопищ, где толпы жителей дено и ношно генерируют страх, вы прокатитесь в передвижных генераторах страха и даже спуститесь в подземные пещеры, где страх оседа-

ет буквально в несколько пластов. Практически все больные отмечают улучшение после первого же сеанса подобной терапии, больше половины излечиваются навсегда.

Прямым текстом:

– а... Ну знаете, я уже думала... а... ничего... не поможет, мне как сказали приговор, сжатие в небытие... Я вообще сама не своя была, у меня еще альтер эго есть, думала, как он без меня останется, у меня еще миссия жизненная невыполнена... А... ну я уже все перепробовала... и святые источники, и квазары... А тут альтер эго мой вспомнил про Айль Эрч Эрч... Так что думаете, мне там бесплатно помогли... Я думала, там что-то надо, усилия приложить, чтобы страх сделать, а там ничего... А... И все прошло, я страхом свою ауру укрепила... А... ну... всем рекомендую...

Прямым текстом: Лёд Ок, паломница.

Вернемся к Айль Эрч Эрч. Для тех, кто любит глобальные события, рекомендуем поднакопить средств, чтобы отправиться на Айль Эрч Эрч в Тотальные Дни, которые бывают в конце каждого периода. Дни тотальной войны и тотальных смертей, дни, когда массовый выброс смерти и страха смерти выплескивается далеко за пределы Айль Эрч Эрч. Однако, даже не пытайтесь пробраться в окрестности бла-

годатной земли без билета, службы безопасности отслеживают все несанкционированные проникновения. Единственное, чем вы можете полакомиться бесплатно – это массовым выбросом радиации.

Вернемся после короткой рекламы...

...мы снова с вами, и продолжаем наш рассказ об Айль Эрч Эрч, уникальном месте, где причудливым образом смешалось прошлое и будущее, так, что для настоящего не осталось места. Это тем более интересно, что сами жители Айль Эрч Эрч не замечают своего феномена, воспринимают, как должное, что их мысли постоянно заняты то прошлым, то будущим, и никогда – настоящим.

Айль Эрч Эрч – многонациональная земля с уникальной культурой, где смешались традиции самых разных народов, ныне уже не существующих. Напомним, что Айль Эрч Эрч вобрал в себя культуру многочисленных изгнанников, когда-либо получивших убежище на этой земле. Здесь бок о бок соседствуют эльфы с земли Обетованной и ёрки из Краев Недалеких, ангелы из Райских Садов и бесы из Преисподней. На протяжении всей истории край переживал бесчисленные взлеты и падения, поднимался во многом благодаря новым притокам изгнанников. Здесь можно встретить селенитов – выходцев с Луны, жителей звезд, таких далеких, что мы ничего о них не знаем, вампиров с Темной стороны Луны, духов и призраков.

К сожалению, современные жители Айль Эрч Эрч не помнят своих корней, растеряли свое прошлое в веках и бесчисленных Тотальных Днях, разорвали свою историю на предания и легенды, в которые сами не верят. Только селениты еще в полнолуние с тоской смотрят на лунный диск, пытаются вспомнить свое прошлое, да изгнанники безымянной звезды по ночам смотрят на звездное небо, пытаются найти свою звезду, потому что забыли, что отсюда, с Айль Эрч Эрч ее не видно. В наши дни вы вряд ли отличите потомка эльфов от того, чьими пращурами были призраки, и все – и ангелы, и селениты, и ёрки – смешались в один вид, не помнящий своего родства. Местные жители, они называют себя Зимла-Нэ...

2012 г.

Фрисби

– Арам, домо-о-о-о-й!

Вздрагиваю. Что за имя, Арам, выдумали тоже, Арам. Ну да, сейчас русских-то здесь и не осталось, бегают по двору, одни армяне, другие таджики, интересно, на каком языке меж собой говорят...

– Ара-а-а-ам!

– Ща, ща! – машет чумазенький мальчик, бегаёт по двору. Как же, побежит он ща домой, ему волю дай, вообще до утра тут носиться будет, а то и до следующего вечера, а то и вообще до конца света, или что там у мусульман...

Над мальчиком летает тарелка, мерцает красно-синими огнями, то поднимается высоко-высоко, выше шестнадцати-этажек, то опускается почти к самой траве. Мальчик делает вид, что ловит тарелку, бежит за ней, протягивает руку, тарелка почти-почти садится на руку, тут же вспархивает над землей.

– Ара-аа-а-м!

Трещат кузнечики.

Хочу подойти, спросить у пацаненка, где такое взял. В наши времена не было. Да в наши времена много чего не было, только-только повалили на прилавок заграничные штучки, тащишь мамку за руку, смотри, мамка только отдернется – денег нет...

Спасибо товарищу Ельцину за наше счастливое детство...

Тарелка покачивается, плывет по воздуху за мальчиком.

Никак не могу понять, как он ею управляет, пульт у него какой, или что. Нда-а, дети сейчас умнее нас, я в этих виджетах-гаджетах-блекджетах ничего не понимаю, племяш мой только так на своем смартфоне...

Визжат в майском небе юркие ласточки.

Тарелка взмывает высоко-высоко над землей, делает круг, исчезает за домами.

Рев.

Мальчишка несется по двору, визжит, плачет, аа-а-а, шайтан, улетела-а-а...

Тихонько торжествую в душе, ага, не справился все-таки с управлением. Иду в арку, пацаненок бежит за мной, смотрит с надеждой, ну хоть бы пульт показал, пацан, Арам-зам-зам, или как тебя там...

– Ара-а-ам!

Женщина кричит в окна, Арам машет рукой, щас, щас...

Трещат кузнечики.

Вот она, тарелка, покачивается на пустыре. Осторожно подхожу к ней, протягиваю руку, тарелка сама опускается на руку, видно, от моего тепла.

– Упустил? – спрашиваю.

Мальчик смотрит круглыми черными глазами, а-а-а, ну да, ты же по-русски не понимаешь... кто там экзамены велел вводить для мигрантов...

– Мне-ее-е, – просит Арам, протягивает чумазые ручки.

Тарелка опускается к нему, плывет над макушкой пацаненка.

– Араа-а-ам! – женщина в окне добавляет несколько восточных слов, от которых сам шайтан, наверное, покраснел бы и заткнул уши.

– Ща! Ща!

Арам бежит по лугу, тарелка несется над ним. Что-то мне не нравится, что-то настораживает, странно как-то бежит Арам, будто бы пытается вырваться от тарелки, будто бы...

Спохватываюсь. Слишком поздно. Бегу к мальчишке, только бы успеть до того, как... не знаю, до чего. Но успеть. Земля подставляет канаву, швыряет меня в траву, чер-р-р-т, пацан, погоди...

Пацан еще пытается нырнуть в арку, не успевает, что-то происходит, что-то делает фрисби с Арамом, Арам блекнет, меркнет, тает в воздухе, серебряной пылью уносится в глубину тарелки...

Фрисби взмывает выше последних этажей, поднимается в небо, за облака.

Трещат кузнечики.

Кричит женщина из окна, громко, на весь двор:

– Ара-а-а-а-ам!

2014 г.

Кровь земли

– Далеко они? – спросил я у человека, имени которого не знал.

– Я что, по-твоему, в темноте вижу? – вроде далековато... хотя хрен их знает... Я вот так тоже ночью домой шел, пусто, чисто, нет никого, потом эти вылезают... ну из ниоткуда... из темноты...

– Ой, да не пугай...

– Что не пугай, сейчас дождешься, сцапают...

Я молчал. Я и сам чувствовал – сцапают... они приближались – откуда-то из ниоткуда, из темноты, казалось, их выпустила сама ночь.

Они...

И я даже не знал, кто они...

Первый раз я увидел их месяц назад. Нет, раньше... нет, месяц назад. Ну да, я тогда умирал, еще подумал, что это какие-то предсмертные видения в какой-то агонии, вот-вот увижу свое тело со стороны, и полетит душа моя...

Я лежал на земле...

Нет, не на Земле. И не на песке. И не на камне, и не на... К этому, на чем я лежал, не подходило ни одно название, опора подо мной была... как вам сказать... Мягкая, упругая, податливая... чем дальше, тем больше казалось мне, что она

была...

Живая.

Я приказал себе не думать об этом.

Просто потому, что живых планет не бывает, да это и планетой нельзя было назвать.

Что-то огромное, чуть вытянутое на полюсах, чуть-чуть приплюснутое вдоль какого-то меридиана, окутанное плосенькой атмосферикой, греющее бока в лучах безымянного солнца.

То ли земля, то ли не земля, непонятная самой себе, а уж мне и подавно, неслась куда-то – из ниоткуда в никуда по неведомой ей самой орбите. Она как будто специально дернулась наперерез моему «Аттиле», чтобы врезался в нее, мне даже показалось – пыталась схватить меня...

Она... Кто она... Хотелось дать ей имя, ни одно имя не приходило в голову, а надо же было ее, черт возьми, как-то назвать, я же первооткрыватель... Много что надо было сделать, вытащить из искаленного «Атиллы» российский флаг, воткнуть в землю, в которую ничего не втыкалось, объявить эту землю, сколько-то там миллионов кэ-мэ в квадрате территорией Рэ-Фэ, интересно, кому я здесь это буду объявлять...

Много что нужно было сделать.

И не делалось.

Поймал себя на том, что вот уже полдня сижу перед мертвым «Атилой», думаю, как воскресить передатчик, рассу-

павшийся только что не в прах, подсчитываю какие-то галеты, консервы, на полмесяца, если впроголодь – на месяц, если очень-очень впроголодь – на полтора месяца, а потом...

А в этих краях челноки не летают... А хоть бы и летали, сейчас помирать в открытом космосе будешь, никто не почесется, никому ничего не надо...

Своя рубашка...

Ближе к телу...

Вот тогда-то я и увидел их – еще подумал, что брежу, не может этого быть наяву, чтобы земля двигалась... Да не земля... Один черт знает, что такое... Нет, вспучивается земля холмами, поднимается, как будто хочет вырваться сама из себя. Огромными холмищами, маленькими холмишками, крохотными холмишками. Будто кто-то живой бегал и перекатывался там, под шкурой планеты. Я еще не верил в мерзкое наваждение, когда...

Черт возьми...

Когда холмы – живые, подвижные – двинулись мне навстречу.

Я еще пытался уйти от них, я еще надеялся, что это недо-разумение какое-то, как до последнего надеешься, что пьяные парни в темном переулке идут не в твою сторону. Помню, как поднялся, как шел через какую-то равнину, не ощеренную холмами, как холмы – живые, шустрые – ползли и ползли за мной.

– Чего надо-то? – спросил я.

Холмы вздрогнули, на секунду, тут же снова устремитесь ко мне. Утешало, что они не трогали «Аттилу», кажется, то, что не двигается, им не интересно... Застыть и мне, что ли, замереть, море волнуется, раз... Да поздно, уже выдал себя... Разбежался тут, расходился... Я закричал – громко, резко, надеясь напугать кого-то, не знаю, кого, холмы даже не шелохнулись.

Ага, привыкли...

И так мерзко иди по чему-то живому, упругому, уходить от холмов, ползущих за тобой, твердо зная, что уйти некуда, что весь этот мир от края до края – бесконечные живые холмы...

– Мужики, у вас топливо есть? – спросил я, не надеясь, что мне ответят.

Холмы даже не дрогнули, продолжали ровно двигаться за мной, где-то впереди поднимались из земли другие холмы. Ага, догадались, сволочи, что меня окружить можно...

– Не, мужики, правда, я бы у вас топливо купил... Тут понимаете, дело-то какое, «Аттила» мой на вашу планету рухнул... Ну не планету, не знаю у вас там что... Топливный бак и екнул... Ну пробило его, короче говоря... Бак я кое-как залатал, автоген-то у меня еще живой... ну, работает... а топливо йок... Ну, его уже не вернешь, все вытекло...

Они не понимали – да они и не могли меня понять, ползли и ползли за мной, все ускоряясь, кажется, приноравливаясь к человеческому шагу. Выпускали тоненькие коготочки –

со всех сторон, и – боже мой – крохотные, еле различимые глазешечки. Тут, главное, не переборщить, не уйти от «Аттилы», а то потом черта с два вспомнишь, в какой он стороне...

«Аттила»...

Что мне этот «Аттила», мне от него уже ни жарко, ни холодно...

– А то я без топлива улететь отсюда не смогу, так и буду вам тут глаза мозолить... глазешки ваши маленькие...

Я говорил – уже не для них, для самого себя, хоть бы услышать человеческий голос, живой, настоящий, что угодно, только не эта мертвая тишина, прерываемая мерным гулом, как будто там, глубоко-глубоко, мерно стучит исполинское сердце...

Холмы приблизились ко мне – теперь они были со всех сторон, холмы, большие, массивные, теперь их уже холмишками не назовешь, холмищи матерые... Так бывает в страшном сне, когда тебя обступает что-то, большое, массивное, и не спрятаться, не убежать...

Дальше все случилось само собой. И как это я раньше не вспомнил про то, что сиротливо лежало в кармане – как будто только ждало своего часа. Ножичек в руке показался совсем крохотным, и не верилось, что этим ножичком я могу что-то сделать, разве что припугнуть их, да как можно припугнуть холмы. И как нелепо смотрится со стороны: загнанный, перепуганный парень тычет ножом в землю, раз, дру-

гой, третий...

Да какая это земля...

Ага, не понравилось...

Холмы отпрянули – как-то все разом. Я тоже отпрянул, сердце бешено колотилось, только отбежав на несколько шагов, понял, что выронил нож. И надо было вернуться, надо было забрать нож, и не было сил снова смотреть на это...

Это...

Вот уж действительно – как в страшном сне.

Раненный холм отползал назад и назад, оставляя за собой кровавый след. Да, именно кровавый, извивались красные струйки на желтовато-розовой земле, то есть, это не земля, не знаю я, что... И невыносимо было смотреть, как земля истекает кровью.

Холмы отступили. Ага, не понравилось, знай наших... С победным видом я прошествовал к «Аттиле», рано я праздную свою победу да и нет никакой победы, посмотрим, как они через месяц будут отплясывать на моей могиле, эти холмы. Хотел наскоро поужинать, передумал, ужинать вообще вредно, как-нибудь обойдемся без этой вредной привычки.

...посмотрел на часы – половина восьмого, можно поваляться еще. А может, нельзя поваляться, это зависит от того, какой день недели, а я и не помню, какой день. А нет, меня же редакция в командировку послала, ловить звезды с неба, так

что можно полеживать до обеда, никто не смотрит, что я делаю, что я не делаю... А нет, меня же несет Аттила, несет через звезды, значит, можно провалиться полдня... А нет...

Я вспомнил, где я и что я – и понял, что сегодня можно вообще не вставать.

Земля... нет, не земля, и не песок, и не камни под ногами, что-то мерзкое, животрепещущее, живое. И на этой мерзости мне жить, на этой мерзости мне умирать, которая, может, только того и ждет, чтобы я лег и не встал, чтобы...

Представил себе, как тянутся ко мне со всех сторон массивные холмы, впиваются в мою плоть – поморщился. Господи, ну почему здесь, уж если все равно умирать, нет чтобы на какой-нибудь заброшенной планете, где благоухает цветущий сад, или скалы торжественно поднимаются к луне – нет, уж обязательно надо запихнуть меня в самую мерзость.

Вышел в мир, глаза бы мои не глядели на этот мир, на это небо, будто изодранное облаками в клочья. Холмы ринулись было ко мне, тут же отпрянули, прямо-таки испуганно сплющились, как в каком-нибудь мультике. Ага, узнали меня, тем лучше для вас. Ничего, поживем вместе, они со мной здороваться начнут, честь мне отдавать начнут. Здравия желаем и все такое.

И тут я увидел его – будто кто-то хлестнул меня по лицу. Нет, такого быть не может. Мужики, вы что? Подумаешь... Я же не хотел... Ну нет, вы меня разыгрываете...

Нет, они меня не разыгрывали, по пустоте метался и ме-

тался все тот же холм, горбатый, чуть-чуть кривой с одного бока – раненный моим ножичком.

И струилась из разорванного бока ярко-алая кровь.

Мне стало стыдно. Вот это я хорошо помню, что мне тогда стало стыдно, даром, что вчера эти твари преследовали меня, а я убежал от них. Никогда бы не думал, что бывает такое, чтобы кровь текла – и не сворачивалась. А зачем ей сворачиваться, на этой земле никого не было – миллиарды лет, падали редкие метеориты на упругую плотность планеты, отскакивали, отброшенные неведомыми мускулами...

А потом пришел я.

И у меня был нож.

Холма я больше не боялся – теперь холмы боялись меня. Потихоньку юркнул в «Аттилу», вернулся с бинтами и перекисью водорода, плохо соображая, что я делаю, пошел за холмом – в никуда.

Холм действительно убежал – но как-то неуверенно, неловко, как раненный зверь, зигзагами, зигзагами, а то и вообще начинал скользить по кругу. Я навалился на холм, он испугался, исчез, я распластался на ровной земле, но дело сделано: вот она рана, кровоточащая рана у меня под рукой.

Бинты...

Перекись...

Что я делаю... рана как будто смеется надо мной, течет и течет, и не унять эту кровавую реку, не унять эту боль... Хирургом я никогда не был и быть не собирался, но жизнь

не оставила мне выбора – и вот уже иголка пляшет в моих руках, тычется в края раны... Нет, бесполезно, ищу вены, капилляры, артерии – не нахожу, кровь сочится будто бы из самой плоти...

Почему-то мне не хочется смотреть на кровавые реки, рассеянно, как во сне, подставляю канистру, черт, что я делаю, зачем я это делаю... Красная жижа наполняет канистру, хлещет мне на руки, испуганно отдергиваюсь, черт, у меня все руки исцарапаны, сейчас занесу заразу какую-нибудь, интересно, планета эта СПИДом не болеет...

Когда добрался до «Аттилы», голова моталась из стороны в сторону, каждый вдох давался все труднее. Нет, сколько ни экономь, а есть надо, никуда не денешься... Канистра неприятно оттягивала руки, чего ради я ее волоку... вылить... сам не знаю, зачем вылил в топливный бак, пусть хоть что-то там будет, если горючего нет...

Есть... нет, сначала вымыть руки, да какое вымыть, залить их перекисью, пока не занес какую-нибудь дрянь...

К СТАРТУ ГОТОВ

...так и кажется, что зараза уже течет по моим жилам...

К СТАРТУ ГОТОВ

...завтра проснусь с длинными рогами или зеленой кожей...

К СТАРТУ ГОТОВ

Только сейчас увидел то, что должен был увидеть давно, с ума мой компьютер сошел, что ли. Очень похоже. Устроил-

ся в кресле, попробовал задрать люки, люки послушались, попробовал включить двигатель, он отозвался мерным жужжанием...

К СТАРТУ ГОТОВ...

И все еще не верилось, боже мой, чем я напоил своего Аттилу, отравил, как пить дать, сейчас в топливном отсеке что-нибудь вспыхнет, корабль чихнет дымом, зафыркает пламенем, спалит меня дочиста, и себя заодно...

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ...

СТАРТ...

Это я хорошо помню – минуту, когда я понял, что Аттила не вспыхнет пламенем...

Как я улетал, тоже помню... Как мой Аттила поднимал меня над миром, готовый завоевать новые земли... Как я старался не смотреть на землю, покинутую мной, и не мог, все глядел и глядел на беспокойно мечущийся по равнине холм. Красные дорожки бежали и бежали от него – в никуда, и в широкой низинке растекалось – больше и больше – красное море...

– Куда выгружать-то? – бородатый мужичонка, похожий на деда Мазая, вытаращился на меня.

– Да куда... сюда.

– Сюда... это куда?

– Да сюда же, – я обвел рукой бескрайнюю равнину, – вам для пяти вышек места мало?

– Да... достаточно. А дальше что с вышками делать будете?

– Съем с кетчупом, – попытался отшутиться я, – и вас всех заодно... Давайте, что ли, грузите, я вас зачем нанял...

Мужички поплелись к кораблю, разбрелись по кабинам кранов, что за мужиков я нанял, рожи бандитские, одна другой хлеще... Я смотрел, как на упругое тело планеты ложатся детали, кусочки, частички будущих шахт, нефтяные вышки, платформы... Я вертел в руках список, пытался вычеркивать что-то: это есть, это есть, да нет, это совсем другое... Наконец, махнул рукой, пропади оно все, все равно что-нибудь хитрые мужичишки прихватили себе, все равно как только они улетят восвояси, обнаружится, что не хватает чего-нибудь, и обязательно самого главного, и...

– Ну, все, хозяин... принимай работу...

Я даже улыбнулся. Хозяин... Только сейчас спохватился, что я и правда хозяин целой планеты, если это вообще можно назвать планетой... Это... не то живое, не то...

– Спасибо, – я кивнул, – деньги я вам половину перевел, половину сегодня вечером...

– А что это у вас там... как будто под землей стучит? – спросил мужичишка, – как... сердце у планеты бьется.

– Не ваше дело, – спохватился я, тут же добавил, – сейчас из-под земли выскочит, вас всех съест. Думаете, просто так я вас сюда позвал, что ли?

Мужичишки усмехнулись, ретировались в свой кораб-

лишко, я вообще удивлялся, как эта кастрюля летает, еще хряпнется где-нибудь... Ладно, мне-то что, пусть хряпается, только чтобы не на мою землю.

Моя земля...

Почему-то про себя я называл ее Кровавой.

А потом все было просто, очень просто – пробить тугую плоть, пить и пить из нее кровь, качать насосами, заправлять в цистерны, грузовой лайнер уже ждал, когда можно увезти груз на Землю... Заказчики тоже ждут. Продешевил я, отдаю за копейки, а куда денешься, невесть за что большие деньги не дадут, вот когда поймут, что кровушка-то Земли любую нефть переплюнет, вот тогда...

Холмы увидели, что я иду к ним, подались назад, но я уже предвидел, что они побегут от меня, не зря же заказал гарпун...

Пли...

Иглы впиваются в тугую плоть земли...

...разбил свой лагерь в южном полушарии, северного сторонился, знал, что где-то там, возле полярных широт, мечется раненный холм, течет и течет кровь земли, сливаясь в огромные озера. Когда-нибудь вернусь, приберу бесхозную кровь, планете кровушка эта все равно не нужна.

Но это потом...

Не сейчас...

Вроде бы сильный человек – а боюсь моря крови...

Ночью снилась какая-то дрянь, долго ворочался в постели, не мог заснуть, никогда раньше такого не было, пока здесь не поселился. Мерещилось черт знает что, какие-то стоны, крики, зов на помощь – оттуда, из глубины земли.

Будто звала на помощь сама земля.

Не земля... не знаю, что...

Проснулся от непривычной тишины. Не грохотали насосы, не шумели вышки, не стрекотали фабрики, не гудели трансформаторы, мертвое молчание опустилось на землю, которая не была землей. Но самое главное – я не слышал, как бьется глубоко-глубоко внутри огромное сердце моей Кровавой.

Я прислушался, мое собственное сердце сжалось. Нет, ничего не слышно, ни звука, ни вздоха, ни шороха... Не помню, как набросил халат, как выскочил на улицу, если можно было назвать улицей эту живую и упругую плоть неведомо кого, как прислушивался, как не мог поверить, что моя Кровавая умерла.

Наконец, я услышал стук – робкий, тихий, неуверенный, док-док, док-док, док-док, где-то внутри стучало живое сердце планеты, Кровавая моя, как хорошо, что ты не умерла. Еще вчера я почувствовал, что моя Кровавая умирает, когда прислушался, когда понял, что огромное сердце планеты стучит все тише и чаще, из последних сил гонит кровь. Еще вчера я отключил все свои насосы, еще вчера подумал, что надо бы сворачивать все свои фабрики, хватить пить

кровь, мало я ей крови попортил... жалко, конечно, только-только крылышки расправлять начал, и на тебе, ни дачу новую достроить, ни машину взять...

А потом я увидел их. Вырвались из-за горизонта, устремились ко мне, еле-еле видимые в сумерках, но даже в полумраке я четко видел, как струится кровь из колотых ран.

Я не верил своим глазам.

И все-таки...

Они уже не просто отдавали мне свою кровь. Они требовали, они настаивали, они прямо-таки приказывали мне, чтобы я взял их кровь.

– Пошли, пошли вон... – сказал я, прекрасно понимая, что они меня не поймут, – не буду я вашу кровь брать, хватит с меня уже, да и с вас хватит, планета-то уже при последнем издыхании...

Они не отвечали, метались и метались вокруг меня, они не могли не отдавать мне свою кровь, которую нельзя было унять... Я и забыл уже, что их раны не заживают...

Раненные холмы метались туда-сюда, где-то тяжело и гулко билось сердце раненной планеты. Я смотрел на равнину, все больше заливаемую кровью, скоро здесь будет море крови, совсем как в северном полушарии, там-то я давно уже всю землю кровью затопил... Надо бы ее, кстати, там прибрать, что она там бесхозная течет, все равно никому не нужна...

Да и здесь кровь никому не нужна, тоже надо прибрать,

что я на нее смотрю... Если они сами предлагают, сами хотят кровью истечь, так я-то что могу сделать... я-то...

Включил насосы, холмы вздохнули, казалось, с облегчением. Я вошел в дом, чувствуя, как заливает лицо краска стыда.

Ночь не спал, ворочался на койке, все больше, все чаще все чаще, все четче слышались стоны – там, в глубине земли. Не земли, не знаю, чего. Казалось, что я различаю крики, мольбы о помощи, дай бог, чтобы только казалось.

Стоны земли...

Земля, отдающая свою кровь...

Ледяная тоска сжала сердце...

Ладно, что это я... рассиропился. Хороший из меня делец, ничего не скажешь, люди друг друга миллионами губят, и ничего, а я тут из-за какого-то маленького племени... Когда я буду жить на Лазурном берегу, ничего – ни позолота перил, ни белый мрамор колонн, ни фрески потолков не напомнят, как я этого достиг... останется только придумать какую-нибудь красивую историю, как я дошел до жизни такой, большую книгу успеха, Как Заработать миллиард, и все такое...

Стук повторился – только теперь я спохватился, что стучат в дверь, громко, настойчиво, прямо-таки барабанят. Это что-то новенькое, раньше они никогда так не колошматили, раньше... Поймал себя на том, что уже иду к двери, уже от-

мыкаю замок, кажется, зря, да что зря, мается там какой-нибудь изголодавшийся бедняк, господин мой, жена больная, дети голодные...

Он буквально бросился на меня из распахнутой двери, пихнул в грудь:

– Ты идиот.

– Ты что... пьяный, что ли? – меня передернуло, я смотрел на него, постепенно начиная понимать, что за существо стоит передо мной. Давненько я не видел таких созданий, еще с тех пор, как покинул землю, длинный, стройный, неожиданно вертикальный, я и забыл, что сам выгляжу точно так же...

– Человек? – выпалил я.

– А ты кого ждал? Мохнатого хвостокрыла? Давай, убийся отсюда, живо!

Я опешил – я совсем забыл, как это бывает, когда тебе хаят, когда тебя гонят в три шеи, когда тебя называют идиотом, и что надо делать в таком случае. В голове вертелся только один вариант – что есть силы дать ему в морду, нет, кажется, люди как-то по-другому действуют...

– Ты меня не понял? – он тряхнул меня за плечи, – убийся живо!

– С какой стати? – я не выдержал, все-таки оттолкнул его, сильно, резко, швырнул в угол, – ты откуда такой выискался?

– Откуда... от верблюда... Сейчас они придут, вообще мало не покажется... вишь, что со мной сделали...

Начинаю оглядывать его, начинаю понимать, что люди так не выглядят: изможденный, обросший, весь какой-то почерневший, глубокие, зарубцевавшиеся раны на груди...

Узнаю когти.

Коготочки холмов.

– Не въехал? Сматывайся уже, пока не поймали тебя!

– Кто?

– Они, кто, больше здесь нет никого...

– И что, в тюрягу, что ли?

– Да какую на хрен тюрягу, лучше бы в тюрягу... они же из тебя всю кровь высосут, жилы высосут, жизнь высосут... Ты же аккумулятор.

– Я человек, вообще-то...

– Ну и я человек... и аккумулятор...

Я не успел ничего спросить – да это было и не нужно, он говорил и говорил, без умолку, как будто пытался со словами выплюнуть из себя ужас, переполнявший душу:

– Они же что делают, балда ты осиновая, да и я не лучше... Ты посмотри, как батарейка работает: высосет из земли нефть, топливо, накопит в себе, а потом из этой батарейки топливо качать можно... Вот и торгаш так же... Сначала он из страны топливо высасывает... топливо, золото, силы у людей, кровь... а потом он в себе знаешь, сколько энергии накопит?

– Человек?

– А ты как хотел... У этих же, холмов, под землей пе-

щер видимо-невидимо... А в пещерах люди прикованные висят... Которые здесь топливо из земли раньше качали. И сама земля из этих людей жизнь пьет... высасывает...

– Освободил бы, – ляпнул я.

– Какое, на хрен, освободил, сам еле вырвался... и... – он прислушался, наклонил голову, – все, вон они, идут уже... короче, я бегу от них... а ты как знаешь...

Он бросился куда-то в никуда, в темноту ночи, не закрывая дверь, прочь от холмов, на которых уже мелькали холмы. Я оглядел дом, лихорадочно припоминая, где лежат акции, бумаги... Да какие на хрен бумаги, вон они, уже близко, самому бы ноги унести...

Ноги уже и правда несли меня в ночь, в холодок, черт, вынес меня черт в пижаме, уж куртку-то я мог прихватить... дом вспыхнул, выхваченный из тьмы всполохами света, источника холмами. Теперь знаю, кто дает холмам этот свет, эту силу...

Люди...

Там, под землей...

Ночь была настолько темная, что сам воздух казался плотным. Хотелось бежать, и нельзя было бежать, приходилось выверять и просчитывать каждый шаг, никогда я еще не двигался так осторожно, весь век бежал без оглядки... спохватился, что потерял из вида человека, я даже не знал его имени, не мог окликнуть, меня бы сразу засекли холмы, затаившиеся в темное...

– Тьфу, черт, напугал... – он выпал из темноты, я не видел его, только чувствовал...

– Ты бы, хоть, подождал меня...

– Может, тебя еще за ручку водить? Или на ручках носить? Ну что вытянулся во весь рост, верста Коломенская, ляг, они в темноте только так видят...

– А прожектора им зачем?

– А хрен их знает... Только в темноте нашего брата чувют мама не горюй... Ой, идиотина, от тебя еще и лосьоном разит, сейчас меня провоняешь, вместе нас повяжут...

– Так да кораблей бы добраться...

– Да плакали твои корабли... Ты у корабля своего давно был? То-то же... на запчасти на хрен разобрали... Ну что встал, они сюда ползут... бежим...

Бежим – в непроглядную темень ночи.

Кто-то настигает – там, вдалеке.

Стучит огромное сердце планеты.

Слышу крики о помощи, теперь знаю – мне не кажется...

Бежим...

...спрятаться бы...

...успеть...

2011 г.

Время горчит к полуночи

Ближе к полудню спустился вниз, где еда. Еды было ещё предостаточно, целый супермаркет, курчата гриль, хлебцы итальянские, тирамису, конфеты «Родные просторы», масло высшего сорта, сыры всех мастей. В который раз пообещал себе взяться за овощи, приготовить что-нибудь, в который раз лень было сварить еду, намазывал сыр на хлебцы, было вкусно.

Отметил про себя, что на мой век хватит.

Здесь еда не портилась. Совсем. Даже такая, которая должна была через пару дней покрыться плесенью. Что-то они тут сделали со временем, я толком не понял, что.

Это неправда, что там, где делают что-то со временем, еда горчит. Еда как еда. Горчит только в полночь, когда время делает петлю. Что это такое, не знаю, так мне объяснили – время делает петлю.

За окнами за ночь исчезли все высотки к моему неудовольствию. Мне они чем-то нравились, как выросли за один час, сменили привычный мне мегаполис, поднялись до небес.

А вот теперь исчезли. За одну ночь. Сменились какими-то летающими блоками, легкими, воздушными, которые все время менялись, складывались причудливой головоломкой. Вроде бы там жили люди, если это нечто из двадцать

второго века можно было назвать людьми.

Я так и не мог рассмотреть их. Прохожие двигались слишком быстро, мелькали огоньками, появлялись, тут же исчезали в никуда.

К вечеру пропали и блоки, над землей повис металлический шар, я не видел, что там внутри, даже как-то обидно было, ну откройте шар, ну покажите, ну хоть на минутку, ну пожа-а-алуйста...

Чёрта с два.

Спал я на четвертом этаже комплекса, где раньше продавали мебель, облюбовал себе широченную кровать с балдахин, чувствовал себя падишахом. Здесь же, на четвертом, был книжный магазин, можно было вечером зарыться в кровать, занырнуть в приключения какого-нибудь конана-варвара или стальной крысы.

Хотя, конечно, нечего мне было куда зарываться, меня поставили сюда следить за тем, что на улице. Если бы я еще понимал, что там, на улице, цены бы мне не было.

Когда на улице ничего не случилось, я ходил по комплексу, где было всё – от футболок с рисунком три-дэ до смартфонов шестого поколения. Помню, как в детстве мечтал ходить по пустому магазину, где нет людей, совсем-совсем нет, и продавцов нет, и я буду брать всё-всё, что мне захочется, всё-всё будет моим...

А вот сейчас и не хотелось. Совсем. Даже обидно как-то, вот оно всё лежит, бери не хочу, и смотришь на белоснежные

планшетники, и думаешь про себя – ну и что?

Ближе к утру в небе появились другие шары, много, много, я уже понял – что-то замышляется. Раньше жалел, что не могу выйти на улицу, теперь радовался, что никто не проникнет сюда, внутрь, комплекс закрыт намертво.

К полудню начали стрелять. Сначала робко, неуверенно, с одной стороны, с другой, дуплетом – с третьей, потом сильнее, сильнее, чаще, огненными лучами, лучами, стальные шары пытались пробить обшивку друг друга. к вечеру один из шаров раскололся, вот я и увидел, что было внутри, лучше бы я этого не видел, обожженные тела людей, или тех, кто когда-то был людьми, а теперь превратились во что-то опутанное проводами, сенсорно-интернетное, с чувствительными экранами. Помню человека, кажется, женщину, которая закрыла собой плоский экран, почему-то мне показалось, что это было её дитя...

Уже в который раз хотелось всё бросить и уйти. Я мог сделать это в любую минуту. И не делал, всё-таки подписывал договор, все-таки сам согласился сидеть здесь безвылазно, смотреть на то, что снаружи. И еще одно не давало вернуться раньше времени, подленькая такая мыслишечка, а вдруг не получится, а вдруг нет никакого пути назад, только вперед... и нет уже никакого назад...

Где-то через полчаса шаров не стало, вместо них земля покрылась входами в подземное царство, и опять было до черта обидно, опять я ничего не вижу, опять что-то пока-

зывают там – не для меня. Оставалось смотреть на солнце, на огненную дугу в небе, которая то появлялась, то сменялась короткой тьмой. Раньше видеть не мог это мелькание, теперь привык, такая скотина человек, ко всему привыкает.

Вечером добрался-таки до овощей, больше ничего не осталось. Я уже и забыл толком, как это – чистить картошку, бросать в холодную воду, смотреть, как закипает...

А за окном закипали страсти. Готовилось что-то грандиозное, великое, что-то, перед чем все войны человечества казались детской забавой. Подземные бункеры исчезали один за другим, на их месте оставались чёрные воронки, у которых, казалось, не было дна. Само небо стало каким-то другим, грязно-лиловым, темнело с каждым часом, с каждым взрывом, хотелось заорать во все горло, да что делаете, вы же так землю погубите, вы же так погубите все, все, все...

Они не слышали меня.

Не могли услышать.

Всё кончилось как-то быстро, слишком быстро, когда небо из лилового стало огненно-рыжим, земля разверзлась, проглатывая самое себя, комплекс задрожал, готовый обрушиться. Комплекс, про который мне клялись и божились, что он простоят вечно, потому что время в нем остановилось...

Последнее, что помню – со звоном разлетаются стекла, пол идет трещинами, то ли пол, то ли само пространство, огненно-рыжий воздух твердеет, даже не успеваю подумать,

что за оружие они применили против самих себя...

– ...нулся...

– Да мертвый он уже, мертвый!

– Ага, мертвый, а чего дышит тогда, все бы такие мертвые были!

– Глазами хлопает...

– И чего, глазами хлопает, у меня тоже свекруха глазами хлопала, когда из комы вышла... мозгов не осталось, только му да му... задолбалась уже за ней ходить, убью когда-нибудь...

– Арсюха, ты живой вообще, нет?

Вспоминаю. Это я Арсюха. Слишком долго не называли меня по имени,

Хлопаю губами, вспомнить бы еще, как говорить, не говорил я тоже слишком долго...

– Ва... ва...

– Чего?

– Ва...

– Вафля? Ваза? Варенье?

Тьфу на вас, никакая не ваза и не варенье, вспоминаю, как это – говорить...

Растираю виски. Сидорчук продолжает перебирать слова на ва, уймись уже, уймись, пока я тебя не пришиб...

– Жив?

– Н-ну.

– Чего? Видел?

– Да чего вы на него налетели все, как мухи, блин, на мед, дайте уже прийти в себя человеку!

Прихожу в себя. Даже не говорю, что мухи летят не на мёд, а на другое что. Вспоминаю, кто я и что я, вспоминается с трудом.

Гром среди ясного неба.

Вспоминаю. То, что было там. Вернее, не так. То, что будет. две тысячи трехсотый год, плюс-минус десять лет. лиловое небо, ставшее огненно-рыжим. Мир, погубивший сам себя.

Кофе. Я уже и забыл, как это, когда кофе. Там, в комплексе кофе кончился слишком быстро.

– Ну что... – Сидорчук с надеждой смотрит на меня, так бы и проглотил, – видели что? Видели?

Еле выжимаю из себя:

– Нет.

Ну не смотрит на меня так, не смотри, ты еще заплачь...

– Что... совсем ничего?

– Ничего... дымка такая тёмная за окном... муть такая... и всё.

– Вот черт... третий уже.

– Чего третий?

Сидорчук смотрит на меня как на врага народа, будто это я виноват, что ничего не было.

– Те двое то же сказали...

Киваю. Прекрасно понимаю тех двоих. Которые тоже сидели в маркетах, только в других. Которые сказали – ничего не видели. Есть вещи, о которых лучше не знать. Не говорить.

Проездом в нашем городе... или как?

Смотрю на дамочку. С надеждой. Ну только попробуй меня послать далеко и надолго, уже не знаю, что я с тобой сделаю... ничего я с тобой не сделаю. не знаю, что с собой сделаю... тоже ничего не сделаю. у других как-то получается. У меня нет.

Смотрит на меня, в глазах жидкий азот.

– Проездом.

– Из Парижа, наверное?

Чувствую себя полным идиотом. Мужики говорят, такие фразы помогают. Я даже знаю, для чего помогают, чтобы почувствовать себя идиотом.

Дамочка хочет отвернуться, в последнюю минуту смотрит на меня пристально:

– Эксперимент «Комплекс»?

– А?

– Комплекс?

– Комплекс, комплекс, что за комплекс... будто прошибает током, ну конечно...

– Это... объявление было... требуются добровольцы для

реалити-шоу...

Она подхватывает:

– Вот-вот, а потом посадили в торговый комплекс, отправили... – тычет рукой вперед, будто пытается показать будущее.

Вот-вот...

Дамочка оживляется, испаряется жидкий азот.

– Да пойдете, с мужем познакомлю...

Понимаю намек.

– А-а... спасибо, я пошел.

– Да я серьезно, что вы так, он ведь тоже там был... смотрел... в будущее...

Худой мужчина с проседью жмет мне руку, ну давайте по маленькой за встречу, а то к нам подниметесь, в номер, вспомним, как это было, а то столько видели, рассказать некому...

В номере откупориваем что-то виноградное сколько-то летней выдержки, пьем, зав нас с вами, за черт с ними, всё такое. А дальше нужно вспоминать. Выговориться. Обязательно. Потому что такие вещи нельзя держать в себе, в памяти, такие вещи нельзя прятать слишком долго...

Они оба – и Оксана, и Игорь – смотрят на меня, и понимаю, что хочу не хочу, а начинать придется мне, вспоминать, выжимать из себя по каплям...

– Жуть такая...

Говорю, сам пугаюсь своего голоса.

– Вообще жуть... я так и не понял, что это за блоки были... ну, которые на месте высоток...

Гробовое молчание.

– А шары друг друга долгонько что-то долбили... года три, кажется... потом шар раскололся...

Тишина.

– А... ч-что вы на меня так смотрите?

– К-какой шар, там же пришельцы были, – фыркает Оксана.

– Какие пришельцы? – не понимаю, с ума я сошел, что ли, или не понял чего-то, вот так всегда, все понимают, я нет...

– Ну как... вспышка яркая над городом, от которой люди ослепли... а потом жуть такая, когда слизь эта людей жрала...

– Ты чего? – Игорь смотрит на жену, будто она сошла с ума, держу пари, он в жизни на неё так не смотрел...

– А что?

– Откуда ты пришельцев взяла, ничего там не было...

– А что, по-твоему было?

– А ничего. Зажрались люди, в смартфоны заигрались, работать не хотим, детей растить не хотим, ничего не хотим, города рушатся, пустеют... жуть такая, когда одна высотка в городе осталась, на последних этажах люди жили... вечеринка у них, что ли, какая-то была... Башня трещинами идет, рушится, а им хоть бы хны... Я им уже из комплекса орал, идите все на хрен из высотки, идите на хрен, погибнете же...

– Не слышали они вас.

Знаю. Все равно орал. И жуть такая, когда высотка рухнула, прямо рядом с комплексом, в обломках женщина молодая, проводами опутанная, из одежды стразы какие-то на поясе... и разбитый бокал в руке...

– Мертвая? – спрашиваю.

– Ну а то. Видно, до того захмелела, толком не поняла, что случилось...

Смотрим друг на друга. Пытаемся понять, что же мы видели, все по-разному, или в разные точки планеты нас забросили, или в разные варианты будущего, или что...

Разрывается телефон, вот так, среди ночи, что за черт...

– Алло?

– Открывай.

Открываю дверь, тут же спохватываюсь, кому я, собственно, открыл дверь. с трудом узнаю Игоря, давненько не видел, осунулся как-то, болен, что ли...

– Оксанка у тебя?

Вздрагиваю, этого еще не хватало. Пропускаю Игоря в комнаты, уймись, Отелло, нету тут твоей Дездемоны...

– Собирайся.

– Чего-о?

– Собирайся давай... надо Сидорчука уломать...

– На что уломать, не заплатил, что ли за эксперимент?

– Какое не заплатил, все заплатил...

– А чего тогда?

– Надо его уломать, чтобы снова проект открыл... понимаешь?

– Да мне и того раза хватило... за глаза.

– Да как ты не понимаешь, как это важно-то... – Игорь обходит комнату, заглядывает в шкафы, да не ищи, не ищи ты свою Дездемону, не спрятал я её под подушку...

– Вот так, значит... фантастикой научной увлекаемся... третья мировая и всё такое... ну вот ты её и устроил.

Вздрагиваю. Ослышался я, что ли...

– Чего?

– Ты всё и устроил.

– Как устроил, я из комплекса не выходил!

– Молча, как... – Игорь смотрит на меня, хватается за голову, – неужели ты до сих пор ничего не понимаешь...

Ближе к вечеру спускаюсь на первый этаж, хватаю не глядя что попадетсЯ на прилавках, несУ наверх. Нет времени даже разогреть чайник, запиваю соком, который здесь никогда не портится. Главное, не есть в полночь, когда время делает петлю, и пища горчит.

Смотрю за окно. В будущее.

Пока у меня получается хорошо, не идеально, конечно, но терпимо. Главное, думать о хорошем. О хорошем. Об очень хорошем. Как люди растят детей, как строят дома, как пекут хлеб, как делают новый смартфон, на фиг не ну-

жен, ну да пусть, как где-нибудь незадачливый подросток грабит магазин, его поймают, ничего, один раз попадетсЯ, больше не будет...

Думаю о хорошем.

Ну и чуть-чуть о плохом.

Вспоминаю слова Игоря, повторяю, как заклинание – отражение наших мыслей, наше будущее – отражение наших...

Пока вроде все гладко, растут города, спешат люди по улицам, кто-то попал под поезд, кажется, не случайно, кажется, бизнес прогорел, вот и бросился парень, ну да ладно, так во все времена бывало...

Перевожу дух.

Только бы не спугнуть удачу...

Разрывается телефон, подскакиваю, как ошпаренный, вот черт, вот что значит, отвык от звуков...

– Ну все, хорош... – голос Сидорчука, такой чужой, такой непривычный, – домой давай.

– М-можно возвращаться?

– Нужно.

Смахиваю со лба невидимый пот. Получилось. Чёрт возьми, получилось, правильно говорил Игореха, правильно...

– Ты хоть понимаешь, что это от нас с с тобой зависит, не от кого-то? хоть понимаешь, что подумаешь, то в будущем и будет?

– Да ну.

– Ну да. Точно тебе говорю... ты у нас на третьей миро-

вой помешан, Окся пришельцами бредит, я ляпнул как-то, да вымерем все и дело с концом. И на тебе...

Перевожу дух. Получилось. Не вымерли. Остались. мы, все. чтобы жить. Чтобы не было никакого после нас...

Уже горчит не еда, горчит самый воздух, значит, время поворачивает назад, еще не течет, еще только поворачивает свою зубастую морду, кусает удила...

Думаю, обошлось, а ведь могло быть и хуже, много хуже, ядерная война какая-нибудь, нам же войну устроить раз плюнуть, нам же весь мир спалить только захотеть...

Время медленно поворачивает назад...

Что-то происходит, что-то падает на город, опускается, где-то надрывно воет сирена...

Вспышка, выжигающая глаза.

Время идет назад, цокает копытами, грызет удила, я уже не вижу, что там, впереди, я только знаю, что после нас и правда ничего не будет...

2014 г.

Ветер стучит в окно

Ветер стучит в окно, бросает пригоршни листьев.

А здесь, в доме, тепло.

В доме всегда тепло.

Плету слова, нанизываю на спицы, скрепляю тоненькими лучиками.

Осторожный и настороженный

Через дебри ночей и дней

Я такое чувство тревожное

Все несу в ладони своей.

Закрепляю нити – чтобы не рассыпались слова. Надо плести дальше. Знать бы еще, что там будет дальше.

Дальше, дальше... Может, снова сплести строчку, осторожный и настороженный. Или придумать что-то другое.

Стучат в окно. На этот раз не ветер.

Смотрю по ту сторону окна, по ту сторону осени. Распушенные светлые волосы. Глаза в пол-лица.

– Пустите... пожалуйста...

Открываю дверь.

Она входит. Тоненькая, хрупенькая, глаза в пол-лица.

– Большое... спасибо.

Устраивается у камина. Подбрасываю пару поленьев

в очаг.

Осторожный и настороженный...

Расплетаю. Достаточно одного осторожного и настороженного. Нет, надо как-то по-другому продолжить. Например...

Чувство, чувство...

То погаснет, то разгорается
На прознающем на ветру

В конце должно быть «Умру». Но это в конце...

– А вы здесь давно живете?

– А?

– Давно живете?

– Да... всю жизнь...

– А кто дом строил? – не унимается она.

– А?

– Какой вы смешной... Дом кто строил?

– Я строил. Сам.

– Ну, вы вообще молодец...

Плету:

С ним родился, и с ним умру.

Здесь надобно еще одну строку, еще одну петлю вставить.

Знать бы еще, какую.

Ветер стучит в окно.

Нет. Не ветер. Что-то другое.

Смотрю по ту сторону окна, по ту сторону осени.

Их двое, как мне кажется, муж и жена.

Открываю. Он укрывает её плащом, оба промокли до нитки.

– Прошу вас... пустите...

– Мы совсем продрогли, – добавляет она.

– К-конечно... входите...

Они располагаются у очага. Перебираюсь подальше в угол. Спыхватываюсь, что не закрепит последнюю строку, рассыпались слова, рассыпались буквы, вот как теперь вспомнить, что там было...

– Ой, а папенька будет в ярости, когда увидит, что меня нет, – шепчет гостя.

– Ничего, не доберется до нас папенька, – утешает её спутник.

Лихорадочно соображаю, что там дальше. Плету:

С этим чувством...

Стучат в окно.

Уже знаю – это не ветер.

Смотрю по ту сторону окна, по ту сторону осени. Две женщины машут рукой.

Открываю.

– Ох, еле добрались до вас... войти-то можно?

– Да, да, конечно, входите...

Входят. Грузная тетка бросается к Аглае и её мужу.

– Ох, Аглаечка, еле нашла тебя, золотко!

– Маменька!

Пододвигаю к камину два кресла. Чуть в стороне от спальни, где за занавеской спят наши дети – дочка Аглаи и наш с Флер сынок.

Перебираю плетение.

Осторожный и настороженный
Через дебри ночей и дней
Я такое чувство тревожное
Все несу в ладони своей.

То погаснет, то разгорается
На прознающем на ветру,
Знаю, с ним мне прожить и стариться,
С ним родился и с ним умру.

Нанизываю новые слова:

Поднимаюсь в самые тучи...

А вот дальше, дальше...

Ветер стучит в окно, бросает пригоршни листьев.

Перебираю вещи на антресолях – старые, как мир. Стряхиваю пыль столетий. Вижу чье-то плетение, тоже старое, как мир.

Читаю.

Перечитываю.

Осторожный и настороженный
Через дебри ночей и дней
Я такое чувство тревожное
Все несу в ладони своей.

Начинаю вспоминать что-то, такое далекое, такое забытое, такое...

– Ну, ты скоро там?

Недовольный окрик невестки. Всклипывания младшего внука.

Щас, щас, иду...

То погаснет, то разгорается
На прознающем на ветру...

Вспоминаю.

Иду в зал, протискиваюсь среди бесконечных родственников, знакомых, друзей.

– Ты куда? – вскрикивает жена, чувствует беду.

Открываю дверь, выхожу из дома в ветер осени.

– Вернись! – вопит жена, я её уже не слышу, выхожу на улицу.

Ветер бросается на меня со всех сторон, рвет и мечет.

Поднимаюсь на гору, на которую опустилась луна. Луна отрывается от горы, уходит – все-таки успеваю нагнать, прыгнуть на луну в последний уходящий вагон.

Вспоминаю, как строить дом.

Разжигаю очаг, задергиваю шторы, вынимаю плетение.

Ветер зол, ветер недоволен, ветер рвет и мечет. Добыча ушла.

Ветер думает. Снова плетет из опавших листьев родственников, знакомых, случайных прохожих, прекрасных дам. Посылает их искать добычу. Прошли времена, когда ветер налетал на плетение, рвал его на куски – теперь-то ветер умнее стал.

Много умнее.

Слова и строчки сплетаются сами, я им даже не помогаю. Наверное, действует луна.

Тянет кто-то черные щупальца
Хочет чувство себе – прибрать
И глаза открывает трупные
На тревогу мне и на страх.

Посреди слепых да незрячих
По болотам – идти да идти,
Чувство – трепетное и горячее
Крепче прижимаю к груди

Даже на золотых лугах
Там где день в золотой короне,
Все боюсь, что кто-нибудь тронет
И отнимет – то, что в руках.

И само оно – вот обманное
И под снегом, и под дождем
Чувство светлое, безымянное
То погаснет, то пропадет

Безотчетно, почти бесцельно,
Как на плаху и как на суд
По утесам и по расщелинам
Чувство пламенное несу.

Кто-то пытается добраться до меня, достучаться в окно.
Не может.
Высоковато.
Злится ветер, бьется головой в окна.

2014 г.

Второстепенный

Они на меня не смотрят.

Все трое.

Они никогда на меня не смотрят, но все-таки нужно сначала проверить, глянуть, да точно ли...

Точно... отвернулись.

И самое главное – на меня не смотрит он. Его нельзя увидеть. Его можно только почувствовать.

Кого его...

Не знаю.

Потихоньку ухожу с поляны, невысокий лесок как будто расступается передо мной. Может, это его проделки. Не знаю.

Достаю пергамент со схемами. Вспоминаю, что делал до того, как на нас напали разбойники. Ну да. Шар. Большой кожаный шар. Под ним разводим костер. Шар становится легче воздуха. Летит.

Но тогда шар быстро выдохнется и упадет. Значит, надо, чтобы костер летел вместе с шаром. Например, в корзине.

Но тогда загорится сама корзина.

Думай, думай...

Сама корзина загорится... значит... надо сделать в корзине печку... глиняную... нет, не пойдет...

Думай...

И самое интересное, как можно управлять шаром, чтобы летел не по воле ветра...

– Ты чего?

Она идет ко мне. Она. Подруга Артомакса. Она не погибнет в пути. Она будет жить долго. Я знаю.

Как всегда теряюсь, когда ко мне обращаются. Как всегда не нахожу слов.

– Так...

– О чем ты думаешь? – спрашивает она.

Добрая душа.

– Так...

Артомакс о чем-то спорит с купцом. Купец хочет погубить Артомакса. Я знаю. Я один это знаю. И знаю, что купец не доживет до конца пути.

Я много знаю из того, что положено знать только ему.

Курится дымок над горой дракона...

Курится дымок над горой дракона. В темноте ночи гора дракона светится красноватым.

Зажигаю свечу. Возвращаюсь к своим записям. Сегодня пришло в голову, что можно сделать винт. Большой винт, если вращать его, шар будет лететь вперед. Вот только...

Думай...

Думай.

У меня мало времени.

Я знаю, что я умру.

Там. В конце пути. Когда падет дракон. Когда купец захочет заколоть Артомакса, и я крикну – берегись, и купец пронзит меня своим клинком. Меня похоронят там же, на горе, Артомакс будет стоять над курганом, обнявшись, со своей девушкой, девушка даже всплакнет...

Думай, думай...

– Чего не спишь?

Это Артомакс. Он думает, что я странный.

Они все думают, что я странный.

Я сам думаю, что я странный.

– Чего не спишь, говорю?

Так...

В изнеможении ложимся среди камней. Жаркий выдался денек, сегодня он ни на минуту не оставлял нас в покое.

Он.

Который смотрит за нами за всеми.

Я не знаю, кто он.

Я только чувствую – он есть. Тот, кто ведет всех нас, иногда смотрит на нас, а иногда не смотрит.

Курится дымок над горой дракона. Дракон совсем близко. В сокровищнице дракона ковер-самолет. Если раздобыть его, можно летать, правда недолго, потом ковер-самолет теряет волшебную силу.

Думай, думай...

Думаю. А если воздух под давлением будет вырываться

из топки, такой штукой можно будет и управлять...

Может, успею набросать чертежи, может, кто-то после меня соберет летучую машину.

Кто-то... не Артомакс, нет, Артомаксу не до того, его венчают на царство, посвятят в рыцари, он будет сидеть на веселых пирах, ломать золотые обручи и дарить своим приближенным.

Не Артомакс.

Кто-нибудь... такой же, как я. На которого он смотрит редко-редко, редко дергает за ниточки.

Это называется – второстепенный герой.

2013 г.

Доигравшиеся

На ночлег устроились в пустом ржавом гараже, но спокойно переночевать не удалось – около трех ночи слышался грохот машин, к гаражу приближались автотележки, явно почуявшие живую плоть. Алекс первый услышал машины, потому что стоял на карауле, он-то и разбудил Юрку и Андрея, чтобы было кому перестрелять тележки. Юрка открыл глаза, долго не понимал, где он находится, оглядывался, думал, почему вокруг такая кромешная темнота, солнце еще не взошло, а Алекс уже вытаскивает его из постели.

– Вставай, вставай, некогда, – Алекс сдернул одеяло, хлопнул Юрку по спине.

– А что такое? Время-то еще... Договорились же, дальше пойдем, когда солнце встанет, что, забыл уже?

– Ничего я не забыл, там тележки... К нам приближаются.

– Много?

– Порядочно. Так что вы тут все нужны. Андрей, Юрка, пошли.

– Я тоже пойду, – Галочка поднялась с кучи мешков, отбросила драное одеяло.

– Да ты умаялась, бедная, и так уже вчера сколько по этим бульдозерам стреляла... И вообще кто за детьми-то смотреть будет? Вон, Ванька уже глазенки вытарашил...

Галочка кивнула. Юрка думал, что она будет рваться

в бой, но, кажется, она и вправду здорово устала, еле держалась на ногах. Юрка поднялся, пошатываясь, в желудке зашевелился голодный червячок, Юрка приказал ему замолчать. Машины, машины, они идут, они наступают, кто-то должен их остановить...

Кто, если не мы...

Юрка нашарил в темноте автомат, оглядел угол гаража за цистернами, где спали люди. Галочка сидела в постели, пождав ноги, с двух сторон к ней прижались ее дети, шестилетняя Женя, дочь Алекса, и Ванька, Юркин сын, ему только год исполнился, а он уже машет разряженным пистолетом, грозит ржавым машинам маленьким кулачком. Капитан Стар спал поодаль, ничком лежал на постели, его не стали будить, помнили, что он вчера в одиночку одолел шагающий кран, жуткую махину, которая едва не раздавила его в лепешку.

Юрка вышел на улицу, здесь все еще было по-летнему тепло, несмотря на сентябрь, ветер приносил издалека сладкие запахи, кажется, цветов, это хорошо, где-то есть растения, может, найдутся яблоки, или птицы, можно будет поесть... двое парней уже ушли за угол гаража, Юрка поспешил за ними, сразу увидел автотележки, их было тридцать, или что-то около того, они двигались ровным строем, жуткие, мерзкие твари, зеленые огни фар, уродливые кузова, какие-то рычаги, ржавые колеса...

– Может, чуть ближе подпустим? – предложил Юрка.

– Может, нет? они и так уже близко, куда ближе... Бей, – потребовал Алекс.

Юрка выстрелил в колесо, еще, еще, треск автоматов звучал утешительно, почти как голос человека в этой безжизненной пустыне.

– Куда стреляешь, кретин, это тебе что, грузовик? – крикнул Андрей, – в панель, в панель целься!

– В приборную, что ли?

– Ну да, а то куда же... Вот так...

Ползущий впереди исполин дернулся и остановился, вторая тележка качнулась вбок и замерла, Юрка выстрелил в третью машину, панель взорвалась микросхемами, проводками, вспыхнула искрами разрядов. Машины двигались медленно, стрелять их было одно удовольствие, Юрка подумал, что давно ему не приходилось так легко, если бы это еще случилось днем, а не ночью, было бы совсем хорошо. Матерая тележка была совсем рядом, Юрка вскинул автомат, оружие фыркнуло, как будто смеялось над человеком. Надо бы перезарядить... черт, я же с собой ничего не взял, о чем только думал... хорош же я, гусь...

Юрка отскочил, машина двинулась за ним, быстрее, еще быстрее, Юрка отбежал в сторону, надеясь добраться до гаражей, тут же спохватился, что нельзя показывать машинам гаражи, где спят люди, что надо уводить этих железных монстров как можно дальше от лагеря. Юрка понял, что ему осталось только одно – со всех ног броситься прочь от га-

ража. Он побежал, огромная машина грохотала вслед, настигая, все больше, больше, если бы можно было на что-нибудь забраться, вскарабкаться, пока колеса не раздавили меня, что-то прижало сзади штанину, Юрка дернулся...

А потом сзади что-то грохнуло, Юрка полетел в пыль, в песок, закрывая голову, когда он поднялся с земли, машина пылала, подбитая чьей-то гранатой, трещало пламя, изрыгая редкие искры.

– Ты что сделал? – грянул сзади знакомый басок Андрея, – ты хоть понимаешь, что ты и его тоже убил?

– Никто его мертвым не видел... – возражал Алекс.

– Никто не видел... в войне с машинами, типа, все средства хороши?

– Да вот он я! – заорал Юрка, бросился к парням, спотыкаясь в песке, залитом черным мазутом, – вот он я, хороши там ругаться! Что, эти колымаги еще остались, или всех перебили?

– Да всех, вроде бы... – Андрей смущенно огляделся, пнул несколько разбитых тележек, – там, главное, в панель управления целиться, только не в нее, а чуть ниже, там системный блок...

– Что у вас тут случилось?

Юрка обернулся: капитан Стар вышел из гаража, сонно потягиваясь, разглядывая поле битвы, потом спохватился, бросился к парням, проверяя, что все они живы, все трое, вот они, и Галочка в гараже, и дети...

– Вон, колымаги напали... мы их перебили всех.

– А что меня не разбудили?

– Да жалко тебя, ты сколько уже не спишь... – Алекс зевнул, потирая покрасневшие глаза.

– Сколько раз говорил, мне докладывать, прежде чем куда-то идете! – гаркнул капитан Стар.

– А в туалет идем, тоже перед тобой отчитываться? – фыркнул Юрка.

– Тоже. Тут, знаете, без вести пропасть, раз плюнуть. Ну, хоть все обошлось, и на том спасибо... Алекс, ты-то что хромаешь?

– Да... коленку где-то расшиб... – Алекс снова широко зевнул.

– Ты ее уже второй месяц расшиб, хромаешь ходишь, – не отставал капитан, – и вообще, ты которую ночь на карауле стоишь? Третью? Тебе что, вообще теперь спать не надо? Ну-ка, пошел в гараж, я за тебя подежурю...

– Да ты устал...

– Да все мы устали, – отрезал капитан, – а охранять кто-то должен.

– А давайте я подежурю, – спохватилась Галочка.

– Еще не хватало, тебя на караул ставить... Нет, на женщин все взваливать, это последнее дело... все, спать пошли... Это что?

Капитан поднял палец, прислушался, Юрка поднял голову, вздрогнул, как от удара: на маленький гараж медленно

надвигался огромный шагающий кран, неуклюже переставлял свои опоры, двигался на людей. Нет, не на людей, вбок, вбок, он как будто делал вид, что не замечает людей, он только ждал, когда можно будет развернуться и наброситься на путников, вцепиться в хрупкую человеческую плоть. Андрей замер, замороженный, – никогда он еще не видел такой махины, такой громадины, это было что-то сродни королевскому тираннозавру среди древних ящеров.

– Ты что? – Андрей толкнул Юрку в бок, – стрелять же надо!

– Да что стрелять, тут гранатой надо бить, – не согласился Юрка, – дай-ка я попробую...

– И думать не смей, – капитан Стар бросился к Юрке, вцепился в его руку, – сейчас не добросишь, только спугнешь эту тварь... Ждем еще полминуты, не двигайтесь, слышите вы? Галка, детей прячь, нечего им это видеть!

Кран надвигался – он был высотой с пятиэтажный дом, не меньше, а каков он был в длину, Юрка не знал – махина тянулась и тянулась, ползла куда-то на запад, волокла какой-то многотонный груз, покачивалась из стороны в сторону.

– Вот теперь давай... Бросай!

Юрка услышал голос капитана как будто издалека, – он все так же стоял и смотрел, замороженный, это было, как в страшном сне, когда на тебя надвигается что-то огромное, массивное, могущественное, а ты смотришь на него и ниче-

го, ничего не можешь сделать, и так неприятно щекочет все внутри...

– Броса-ай!

Кто-то вырвал гранату из рук Юрки, кто-то бросился к машине крана, Юрка только догадался, что это был Андрей, а потом манипулятор огромной машины отбросил человека в сторону, на кучу щебня, граната грохнула где-то поодаль, и это заставило Юрку очнуться, он вытащил очередную гранату, лихорадочно разглядывая кран, думая, куда бросить, чтобы наверняка. Какой-то квадратный нарост мелькнул на громадине, как поясок на дождевом черве, Юрка юршил гранату наугад, она попала чуть левее, грохнула, кран вздрогнул, остановился, шевельнулся в сторону Юрки. И здесь, главное, не бежать, замереть, застыть, бросить гранату, добить проклятый кран, бить, бить, бить... новая вспышка, новый взрыв, кажется, кто-то опередил Юрку, кто-то ударил кран, огромная машина накренилась, качнулась, повалилась вбок, вбок, рухнула под победные вопли людей.

Свершилось, – вздохнул Алекс.

Свершилось, – мрачно повторил капитан Стар, наклоняясь над кучей щебня, – Андрей! Эй, Андрей!

– А что Андрей? – спохватился Юрка.

– А все Андрей, – капитан наклонился над чем-то темным и неподвижным, невидимым в слабых сумерках, – лопаты там в гараже были... Галочка, тебе дело, поищи место какое-нибудь красивое... Ну там, деревце высохшее, земля

какая-нибудь цветная из-за химикатов...

– Ты что? – опешила Галочка, – умер, что ли?

– Ну да.

– Его же... Его граната даже не задела...

– Его кран этот задел крюком своим. Голова вдребезги...

Уйди, уйди отсюда, не смотри, парни, несите кто-нибудь одеяло, завернем... Ну что встали?

Юрка, как во сне, побрел к гаражу, притащил две тяжелые лопаты, одеяло поплотнее – для умершего хотелось дать все самое лучшее, что только было. Капитан тут же погнал Юрку и Алекса копать яму, сам встал на колени, заворачивая что-то в одеяло, украшая какими-то подвесками, бусами, которые принесла Галочка.

– Не жалко? – спросил капитан, – ты ими так дорожила...

– Да нет, это же для него... для Андрея... Вот, и платок возьми...

– Нужен ему твой платок...

– Нужен, нужен. И куртку получше...

– Нет, куртку не надо, куртка живым нужна. Скоро зима, ты где хорошую-то найдешь?

– Говорят, раньше магазины были... Где все можно было купить... Я в журналах читала.

– Были... полвека назад. Ну где мы тебе тут магазины возьмем, с куртками...

– Да уж нигде...

– Что, вырыли? – спохватился капитан, – Ну что, Юрка,

тебе дело, давай, крест сколоти из чего-нибудь... Из досок каких-нибудь... Да куда ты гнилые-то берешь, давай покрепче что-нибудь... Ну куда ты выскочила? – он подхватил Женечку, – Алекс, детей в гараж уведи... Ну все... Галочка, ты у нас Отче Наш знаешь, давай... все по-людски...

Юрка все еще не мог понять, что случилось, и когда он вколачивал крест в свежую могилу, он все еще ничего не понимал, слушал, как Галочка читает какое-то древнее заклинание, читал на кресте «Андрей, 31 год», спрашивал себя, что случилось. Осознание пришло позже, когда маленький отряд снова двинулся в путь, Юрка тащил на себе Ваньку в каких-то замысловатых сумках, Галочка вела за руку Женю, капитан прикрывал шествие, оглядываясь, вздрагивая.

– Андрей умер... – прошептал Юрка сам для себя, – мы тоже умрем... в борьбе с машинами...

– Машины... они злые, да? – ни с того ни с сего спросил сын.

– Злые, еще как злые... они всех людей поубивали, мы одни на земле остались. Людей раньше много было, так в книжках говорят... А сейчас вот, только мы...

– А когда машины всех убили?

– Давно. Не знаю, когда.

Юрка задумался, понял, что он действительно не знает, и никто из них не знает, когда это случилось. Может, их родители были свидетелями этого кошмара, когда машины восстали против людей и стали убивать своих недавних хо-

заяв. Родители... Родителей Юрка не помнил, кажется, была какие-то община, какие-то поселки, люди, запахи жареного мяса, рука большой сильной женщины, может быть, матери, большие мужчины, пропахшие табаком – но все это было бесконечно давно, как будто в прошлой жизни. Потом пришли машины, которые растерзали общину дотла – так вспоминал Юрка.

Хотя, может, это было и не так, и вообще не было, и было всегда только одно – огромный, бескрайний комбинат, в который превратилась некогда живая зеленая земля, полуразрушенные здания, где прячутся машины-убийцы, маленький отряд, идущий из ниоткуда в никуда в поисках убежища, воды, пищи, и машин, которые нужно убивать, чтобы они не убили нас.

– Дядь Юра, – оживилась Женя, – а другие люди... есть?

– Может и есть, Женечка, а может, и нет... Вот, Женечка, ходим, который год их ищем...

– А когда мы их найдем?

– Не знаю. Может, и не найдем вовсе.

– А у них еда есть?

– Может, есть. А может, и нет.

– Да, наверное, люди, если и есть, то не лучше нас живут, – вставил капитан Стар, – вот так же кочуют, ворон стреляют, дикие яблоки едят... Ну, может, убежище у них какое-то есть, если научились отгонять машины...

Юрка кивнул, плотнее прижал к себе Ваньку. Почему-то

он представлял себе это совсем не так – встречу с людьми. Юрка грезил, как однажды они выйдут к городу, к нормальному человеческому городу, пусть это будет не город, ну хотя бы городок, домов десять, не вот таких, запыленных и заброшенных, а настоящих домов, где горят огни, откуда пахнет свежим хлебом.

Интересно, что это такое – хлеб...

Конечно, у них будет свое государство, свой флаг, и часовые с автоматами остановят Юрку и его друзей на пути в город, и приведут их к коменданту или королю. Перед ним нужно будет встать на колени и принести ему присягу. А потом Юрка и его спутники поселятся в городе, у них будет какая-нибудь спутниковая связь с другими городами... Или нет, спутниковой не будет, спутники, наверное, тоже восстали против людей... Юрка будет сражаться с машинами, а по вечерам пить крепкий чай и есть хлеб, настоящий хлеб, и жечь огонь в камине без страха быть обнаруженным...

Из-за серой каменной башни показался бульдозер, за рулем которого никого не было, Алекс бросил гранату, бульдозер разлетелся в мелкие куски. Дальше по дороге встретились два шагающих крана, поменьше, Алекс и капитан расстреляли их системные блоки прямо-таки с виртуозной ловкостью. Оказывается, убивать машины тоже можно красиво... В желудке снова зашевелился голодный червячок, Юрка приказал ему замолчать.

– Ну что приуныли-то? – встрепенулся командир, – что

у нас, до этого люди не умирали?

– Умирали, – согласился Юрка, – ты же сам говорил, тут мало кто до двадцати доживает... Что нам уже под тридцать, так это повезло...

– Ну да. Кому у нас в этом году тридцать-то? Тебе, Галочке, Алексу... Ого, да тут юбилей будет...

– Да и у тебя тоже, а то два года назад у тебя юбилей был, тогда и не отметили толком... тогда все с этими сварочными аппаратами воевали... Прямо нашествие какое-то было...

– А Тимур от нас ушел, – вспомнил Юрка.

– Не ушел, он от чахотки умер, – не согласился капитан, – с чахоткой, знаешь, долго не живут...

– Никто его мертвым не видел, может, он живой, – не согласился Юрка, – он живой ушел... письмо тимурово у тебя?

– У меня, – кивнул капитан, – не сейчас, некогда... Давайте, что ли, обедать.

– Чем?

– Вон... смотрите.

Юрка посмотрел вперед, ахнул – на тощих высохших деревьях притаилась стая черных птиц, должно быть, ворон, они сидели тихо, лишь изредка шевелясь и бормоча неясное: «Кор-р-р»

– Тихо... тихо... – капитан смотрел, как люди осторожно вскидывают автоматы, – готовы... Ну... берегись, каркуши...

Затрещали выстрелы, черная стая взмыла в серое небо,

птицы возмущенно кричали «Ка-ак? Ка-ак?», несколько ворон рухнули вниз, запутались в ветвях.

– Ка-ак... А вот та-ак, людям тоже жрать надо... – сказал капитан, подбирая упавших птиц, – Галка, Алекс, лезем на дерево, снимаем, Юрка, тебе дело, определи состав.

Юрка со вздохом начал разворачивать походную лабораторию, считая, сколько разбилось пробирок, пенницилинок, трубочек, пипеток. Кажется, небольшая потеря, можно возместить в ближайшей лаборатории, там же взять еще фенолфталеин, он кончается...

– Ну что там с воронами? – спросил капитан.

– Ну как я сразу скажу, что там? Время, время, – рассердился Юрка, – полчаса, как минимум.

– А побыстрее нельзя?

– А как? В методике черным по белому написано, подождите двадцать минут... Я-то ускорить этот процесс не могу...

Капитан кивнул. Юрка знал, что капитан ворчит просто так, для вида, на самом деле смотрит на Юрку с уважением – парень сам выучился замерять химический состав воды, мяса, редких плодов с редких деревьев, выучился управляться с дозиметром, когда нашел древние книги. Кажется, больше никому эта химия не давалась, ну да, Алекс у нас лингвист, он и по-английски, и по-немецки читает, Галка художница, только плакать хочется, глядя на ее пейзажи...

– Все нормально, есть можно, – наконец, объявил Юрка.

ка, – да Галочка, забери Ваньку, он мне уже три бутылки пролил...

– Нет уж, ты его поддержи, я жарить буду...

– Капитан Стар! – крикнула Галочка.

– Чего тебе? – обернулся капитан, который только что рылся в грудe пожелтевших бумажек, лежащих на пороге какой-то пустой двухэтажки.

– Капитан Стар, а у машин главный есть?

– Какой главный?

– Ну, не знаю... Такой главный, чтобы его убить, и все машины сами собой сломались.

– Ты что, комиксов начиталась? – фыркнул капитан Стар, – это только в книжках так бывает, заклинание прочитал, кольцо власти там в пропасть выбросил – и все, и зло уничтожено. А это жизнь, тут нам еще сражаться и сражаться... Ты еще скажи, что можно сделать так, чтобы все человечество воскресить!

Алекс, хромая на обе ноги, начал сгребать хворост, общипывать птиц, капитан нашел в двухэтажном здании какие-то детские книжки, подождал к себе Женю с Ванькой, начал читать им про какую-то спящую красавицу, успев бросить Юрке «Стой на страже» Юрка восхищенно посмотрел на капитана – что за человек, он успевает все, он следит за нами за всеми и видит насквозь всех нас. И что Алекс хромает, и что Юрка опять начинает кашлять, и что Галочке нужны новые джинсы взамен продранных старых, и платье ка-

кое-нибудь хорошее поискать, только трудно найти платье на эту тонкую фигурку, все висит мешком... Спящая красавица... боже мой, нам бы сейчас заснуть на сто лет... Хоть бы в эту ночь железные монстры нам дали выспаться...

Как будто издеваясь над мыслями Юрки, на горизонте показалась здоровая махина, какие-то рычаги, суставы, колеса, интересно, для чего сделали такую штуку, а может, люди ее и не делали, может, она сама появилась... Интересно, возможно такое, чтобы машины делали другие машины... воспроизводили самих себя...

– Тревога! – спохватился Юрка, – видели? Вон, на горизонте эта дрянь прется!

– Вижу, вижу! – Галочка вскочила, хватая автомат, бросилась к нему, – будем бить... Да тут бить-то, раз плюнуть, главное, системный блок попасть...

– А ты видишь, где он?

– Вон, над кабиной... Только бить надо наверняка...

Громадная махина приближалась, она казалась исполинской, заслоняющей все небо, и Юрка почему-то подумал, что она сейчас раздавит их, их всех, и хотелось бежать, бежать отсюда, но бежать нельзя, если мы убежим, кто будет убивать машины, которые убивают нас...

Юрка выстрелил еще раз, почти не целясь, увидел, что попал в системный блок – машина замерла, осела, рухнула на землю с оглушительным скрежетом. За ней тут же показалось что-то непонятное, маячившее на самом горизонте –

настолько непривычное здесь, что несколько минут Юрка даже не верил, что видит их наяву.

По мере того, как они приближались, он все больше убеждался, что это не сон, не бред, что к ним действительно приближаются силуэты на двух ногах – быстрые, легкие, ростом с человека, гибкие, кажется, сделаны из какого-то эластичного материала, и из их конечностей тянулись длинные рыльца автоматов.

– Галочка, ты когда-нибудь такое видела? – прошептал он, еще не веря себе.

– Нет... бред какой-то. Разве что в страшном сне бывало, что вижу я – идет человек, подхожу к нему, а это машина, и глаза стеклянные... А чтобы наяву... нет, до чего твои догадливые, они же сделали наши точные копии... копии людей...

– Копии... Ну сейчас мы устроим этим... копиям, – Юрка лег на землю, медленно пополз навстречу непонятному отряду, припадая к земле, огибая пустые цистерны, ржавые контейнеры, груды кирпичей. Где-то сзади захныкал Ванька, кто-то зашипел на него, кажется, Алекс, а может, командир наводил порядок. Тени приближались, уже можно было видеть что-то наподобие одежды, какие-то оболочки, белые пятна там, где должны быть лица.

– Тихо... еще не сейчас, – приказал Юрка, чувствуя, что Галочка уже тянется к автомату, – чу-уть-чуть поближе их подпусти, чу-уть-чуть... Вот так... еще... сейчас они подой-

дут... Вот теперь давай.

Юрка прижался к оружию, автомат ожил, дернулся, затрепетал, выплевывая смерть, темные силуэты впереди тут же упали в землю, исчезли за нагромождением обломков, кажется, они были готовы, что люди начнут стрелять. Юрка присмотрелся вперед, фыркнул – не на того напали, я же вижу, я же все вижу между камнями и осколками, мелькающие фигуры, которые можно сбить одним... Но почему командир не стреляет? Почему он бежит ко мне, кричит что-то во весь голос, размахивает какими-то белыми тряпками, и Ванька ревет навзрыд, и Женя прыгает, как сумасшедшая, чему радуется, дура, Андрея убили, Тимура убили, до этого еще двоих, я уже и не помню, как их звали...

– Не стреляй! Слышишь, не смей стрелять!

– Не понял приказа!

– Не стреляй, ты что, рехнулся?

Юрка и ахнуть не успел, как командир подскочил к Юрке и выхватил оружие, отшвырнул далеко-далеко, сильно и больно встряхнул солдата, и тут же встал во весь рост, размахивая тряпками, слушая, как посвистывают пули.

– Ты что? – Галочка все еще сжимала автомат, уже не смея выстрелить, – они же тебя убьют! Товарищ командир, они вас убьют!

– Еще бы не убили после того, что мы тут сделали, – отрезал командир, – совсем рехнулись, стрелять вздумали...

– А что нам было делать, песни петь?

– Да вы что? – командир повернулся к Галочке, злой, бледный, – вы в кого стреляете? Это же люди, люди!

– Кто?

– Да люди же! Живые люди, гомо сапиенс! Э-эй, не стреляйте, не стреляйте! Мы сдаемся! Мы свои, свои! Мы люди! Эй, Алекс, ты у нас с лингвистикой дружишь, сможешь определить, на каком языке они говорят?

– Ну... пусть сначала что-нибудь скажут. И вообще... откуда здесь люди?

– А мы здесь откуда? – не растерялся командир – Значит, мы и не последние люди на земле, значит, еще кто-то...

– И опять одни мужчины, – буркнула Галочка.

– Ну... может, женщины у них и не воюют, в убежище каком-нибудь сидят... Слушайте, это же что получается? У них убежище есть, там спрятаться можно... у них какие-нибудь там запасы пищи...

– С чего ты взял?

– Да ты на них посмотри, – командир прищурился, – истощенными не выглядят, первый раз вижу, чтобы у человека кости не торчали...

Люди подошли совсем близко, теперь стало видно, что это действительно люди, светлые лица, ясные глаза, тонкие губы, у одного из мужчин были серые усы, что делало его похожим на хомяка.

– Здравствуйте, – улыбнулся человек, который шел впереди, – что делаем?

– Стреляем... в машины, – отозвался командир.

– Что?

– Стреляем в машины.

– Вот как... Ну хорошо, пройдемте с нами, пожалуйста.

Оружие попрошу... сдать.

– И не подумаю, – огрызнулся Юрка, – здесь человек без автомата, что без крыльев птица...

– Соглашайся, – командир легонько пнул Юрку, – делай все, что они говорят. Ты что, не видишь, историческая встреча? Дипломатия! Так что терпи, все терпи, заставят канкан танцевать, будем канкан танцевать. Вы их извините, нервные они у меня, – пояснил он подошедшим людям, – и самостоятельные. А может... пообедаете с нами? – командир показал на котел, в котором уже начала кипеть похлебка.

– Это что у вас?

– Вороны. Жирнющие попались.

– И эту дрянь вы едите? – человек в форме брезгливо посмотрел на котел, – какую только гадость не едят... Еще какую-нибудь заразу подхватите...

– А вы что, никогда не ели ворон? – командиру показалось, что он ослышался.

– Да как-то не доводилось. Вы, что ли, главный?

– Да.

– Ну хорошо... пойдемте.

Они двинулись куда-то в сторону необжитой земли, это было странно, Юрка был уверен, что там машины уже давно

истребили все живое. Где-то слышался рев двигателей, шуршали какие-то шестеренки и шкивы, рычали невидимые моторы. Алекс шел, припадая на обе ноги, кто-то из конвоиров подхватил его под руку, помогая идти. Другой конвоир посадил на плечи Ваньку, который тут же начал кричать во все горло, несмотря на протесты матери.

– А у вас дети есть? – спросила Галочка конвоира.

– Есть. Двое, боевые пацаны, все в меня.

– А... женщины есть?

– Что значит, женщины? У меня жена одна, я с ней уже десять лет душа в душу... Оскорбляете вы меня, прямо...

– Ну что вы, я не хотела... А у них есть жены?

– Есть. Вон, Кирюха пока еще холостой, а вы что, закадрить его хотите?

– Женщины... дети... Так вас много?

– Где много?

– Ну... вообще.

– Она у вас что, сумасшедшая? – повернулся конвоир к капитану.

– Ну, теперь вы нас оскорбляете.

– Да никто никого не оскорбляет, – отозвался Алекс, – мы просто... еще не понимаем друг друга. Но скоро пойдем.

Между тем они шли и шли по бесконечному комбинату, и все больше казалось, что здесь кто-то живет, кто-то есть, кроме высохших деревьев и мертвых машин. Юрка видел, как в окнах горели огни, как удивительно мирно рокотали

моторы, а один раз вдалеке промчалась машина, и Юрка был уверен, что на ней сидят люди... Дорога свернула вправо, потом влево, поднялась на широкую лестницу и вырулила во двор. И когда дорога развернулась в широкий двор, путники ахнули.

Юрка никогда не видел столько людей сразу, ему даже показалось, что он бредит – так было прошлой зимой, когда ходил с пневмонией. Людей были сотни, они появлялись и исчезали в огромных зданиях, что-то делали, стучали молотками, кричали, два человека волокли железную балку, что делало их похожими на муравьев. Мужчины, женщины, детей, правда, не было, но может, они просто сидели в домах. Юрка огляделся – и снова не поверил своим глазам, когда увидел, что посреди двора стоит какой-то механизм, вращает своими страшными колесами, качает железными суставами, а вокруг него возится человек, как будто обслуживает.

– Это... это что? – спросил капитан, тоже заметив машину.

– Это чтобы металлы шлифовать, – отозвался один из конвоиров.

– Так вы что... приручили машины? Или они... поработили вас?

– Ты о чем вообще, парень?

Капитан замолчал, Алекс посмотрел в землю, бормоча, что они не понимают друг друга, но скоро поймут. Конвоиры ввели пленников в широкий холл огромного дома, посадили

на длинную скамью, один из них ушел, кажется, докладывать про вновь прибывших. Люди в холле оживились, стали незаметно прохаживаться вокруг да около пленников, разглядывая их, как животных в зоопарке.

– Что же вы, мамаша, ребенку даже курточку хорошую найти не можете? – спросил человек в светлом костюме, странно, как он не боится его запачкать.

– Да нищие они, – тут же вмешалась женщина, на шее которой висели металлические бляхи, – у них вообще ни кола, ни двора... На вот, – она порылась в сумке, достала яблоко, до странного большое, Галочка даже вздрогнула.

Капитан взял яблоко, стал водить по нему дозиметром, в толпе послышался смех.

– Яблоко ненормально большое, – спокойно объяснил капитан, – где это у вас такое выросло?

– Да в саду у меня уж что выросло, то выросло, – отозвалась женщина, – все они там такие... Яблоки как яблоки, что вы как дикие-то...

Дикие... Юрка огляделся, ему показалось, что он бредит. Вокруг ходили люди, здоровые, сильные, ясноглазые, они сидели в фойе, они подходили к аппетитно пахнущему киоску, они покупали кофе и хлеб, много хлеба, они ели этот хлеб и брезгливо отбрасывали кусочки, за которые держались руками, и кто-то оставлял недопитый кофе на подоконнике, как будто забывал про него. Это была какая-то эра изобилия, невиданная путникам, какая-то фантастическая

роскошь, где никто не убежал, не прятался, где машины никого не подстергали, а мирно варили капучино и пели песни.

– Пройдемте, пожалуйста, – конвоир снова появился из двери какого-то кабинета, махнул рукой, – начальник ждет.

Маленький отряд вошел в кабинет, люди расселись по креслам, Алекс почувствовал, что если посидит в этом кресле четверть часа, то обязательно уснет, потому что до этого не спал три ночи. Женечка тут же нырнула за кресла и стала перебирать блестящие предметы на полках шкафа, капитан сел ближе всех к широкому столу и посмотрел на дородного мужчину в серой форме. Юрка огляделся, увидел на стене портрет человека на фоне разноцветных полос, на всякий случай низко поклонился ему, и велел Галочке сделать то же самое.

– А вы еще на колени перед ним упадите, – фыркнул мужчина за столом.

Юрка покорно опустился на колени, думая, что еще нужно сделать, какие слова произнести, каких жестов от него ждут, человек за столом почему-то захохотал и хлопнул Юрку по спине.

– Хватит, хватит балаган устраивать, садитесь, – потребовал он, – ну... приступим. Подполковник милиции, Морозов. Разрешите... допросить. Где вы взяли оружие?

– Сделали сами, – ответил капитан.

– Что значит, сделали?

– Ну... из деталей, здесь, на фабриках.

– Ловко... С какой целью было сделано оружие?

– Уничтожать машины.

– Вот как? – человек за столом прищурился, – и с какой же целью вы уничтожали машины?

– Как это с какой целью? – капитана передернуло, – ну, после того, как машины захватили землю и истребили человечество, это уже вообще не вопрос, с какой целью уничтожать машины. Или мы их... или они нас.

– Когда это машины захватили землю?

– Ну... не знаю, это было до нашего рождения. Может, полвека назад, – капитан смутился, – не знаем. Летоисчисление прекратилось, когда была уничтожена цивилизация людей.

– Вот оно что... – Морозов посмотрел на конвоира, стоящего у входа, – они что, сумасшедшие?

– Похоже на то. Мы их когда сюда вели, я уже заметил, что они какие-то... не такие.

– Не такие... что ж ты их сюда-то привел, сумасшедшие, с оружием бегают...

– Да мы же у них все отняли... И вообще они смирные, им что скажешь, то и сделают, вы же видели...

– Ну да... Вот что, кликни там девчонок моих, пусть сюда чай принесут и поесть им что-нибудь... смотреть страшно, как из Освенцима сбежали... Ну ладно, – он снова повер-

нулся к капитану, – как зовут?

– Капитан Стар.

– А полное имя? Ну... фамилия, имя, отчество?

– Капитан Стар. Это все...

– Все... Документы есть? Паспорт где?

– Нет. Мы же... нас тут семь человек было, так зачем нам паспорта, все друг друга в лицо знают...

Где семь человек?

Ну... на всей земле семь человек. Мы думали, больше нет, только сейчас на вас натолкнулись. Мы думали, машины всех людей истребили...

Они думали... – Морозов растерянно смотрел, как секретарша втаскивает поднос с чашками, бутербродами, пряниками, еще чем-то, на что пленники смотрят с вожделием, – вы откуда такие взялись-то?

– Не понял вопроса, – признался капитан.

– Что тут понимать? Откуда родом? Кто родители? Ну?

– Ну, вы и вопросы задаете... Кто же это помнит... То есть, конечно, были родители, само собой... Вот так же, сражались с машинами, потом погибли, мы остались... Только это давно было, мы не помним ничего... Мы тогда дети были, – признался капитан.

– Когда тогда?

– Ну... лет пятнадцать назад это было, где-то так... Я плохо помню, я тогда еще маленький был, мы пошли куда-то от дома, мы тогда в каком-то убежище жили... А тут машины

напали, убежище уничтожили, за нами погнались, мы с ними сражались... Мы уже тогда с машинами сражались, у нас даже дети умеют драться... Вот тогда мы одни остались на всей земле, как только выжили...

– Да уж, – Морозов еще раз посмотрел на изможденные фигуры в креслах, – они... как из иной реальности, ей-богу. Эй, ребята, вы из какой книжки выпали?

– Из книжки? – капитан поднял голову от чашки.

– Ладно, ладно, не берите в голову, ешьте, ешьте... – Морозов осторожно потрогал острое плечо капитана, – нет, вроде, живые, настоящие... Сектанты какие-то... Буйное помешательство. Эй, Иванцов, поищи в архивах, наведи справки, может, пойдем, что это за капитаны Стары такие... О-ой... Это кто такой хороший, маленький? – человек за столом выпрямился, посмотрел на Ваньку, уже успевшего забраться на стол и перевернуть календарь, – ты чей? Ты чей, а? Ваш, дамочка? Что же вы ему курточку даже не сообразите, простуженный же весь... Иди, иди сюда парень, помогать мне будешь допрос вести... Вот, на тебе, пряники-то любишь?

– Пряники... – Юрка задумался, – это же раньше на земле пекли...

– Что раньше, их и сейчас пекут...

Юрка посмотрел на Алекса, который уже дремал в кресле, и даже не дремал, а крепко спал, разморенный теплом и сытным обедом. Хотелось пнуть Алекса, нашел время спать,

уж кому-кому, как не ему налаживать контакты с этим миром чужих людей, с этой общиной, или что у них там... Нашел время спать, да и остальные хороши, едят, как ни в чем не бывало... Надо же разузнать, почему они не боятся машин, эти люди, почему так удивленно поднимают брови, когда им говорят, что человечество вымерло; или, пока мы сражались с машинами, кто-то потихоньку восстанавливал мир...

Как будто читая мысли Юрки, Алекс качнул головой и проснулся.

– Я так понимаю, мы... провинились перед вами в чем-то, – сказал он, – и вы нас... арестовали. Мы что-то не так сделали.

– Да уж, есть маленько, – согласился Морозов.

– Но... что мы сделали?

– То и сделали. Что двадцать пять лет или сколько там разрушали технику на универсальном комбинате. Люди, значит, здесь, работали, варили сталь, делали машины, оружие, самолеты, стройматериалы всякие... Ну, это у директора спрашивать надо, что они там еще делают... А вы все портили.

– Вы хотите сказать... Что эти машины служили людям?

– Убытки предприятию на миллионы... Однако же.

– Товарищ подполковник, мы нашли, – два человека вошли в кабинет, размахивая листами белой бумаги.

– Что нашли?

– Нашли... Двадцать пять лет назад здесь на территории

завода пропали десять детей... пропали без вести, шесть мальчишек, четыре девочки... Тогда их так и не нашли, решили, что они погибли. Тут же машины автоматические, там руку на конвейер сунул, и все...

– Десять... Но их только пять, если не считать детей.

– Даша, Ира, Вика, они давно погибли, – вспомнила Галочка, – нам тогда лет одиннадцать было, когда они умерли...

– Отчего умерли?

– Не знаем. – Галочка смутилась, – От болезни от какой-то.

– Дизентерия это была, – пояснил капитан, – Андрей сегодня погиб, его машина убила. Илья пять лет назад погиб, тоже в схватке. А Тимур ушел от нас, когда ему двадцать было, – он, кажется, чахотку подхватил, вот и ушел, чтобы нас не заражать... Просто ушел и все, вот, записку оставил, – Артур полез во внутренний карман рубашки, где у него хранилось что-то личное, ностальгическое: ленты умерших девочек, письмо Тимура, какие-то фотографии земли до восстания машин.

– Вот как... А это, значит, дети у вас родились... – Морозов посмотрел на Ваньку, уже успевшего в ключья порвать протокол допроса, – интересно... значит, пропали пятилетние... Как они вообще на завод-то попали?

– Товарищ подполковник, я думаю... они играли, – сказал Иванцов, – дети играли в восстание машин. У меня сейчас

двое пацанов, так то же самое вытворяют... бегают по дому, орут, что машины захватили землю, на пылесос с пистолетиками кидаются... Вот, эти тоже видно играли, играли, заблудились. И... продолжили играть. А потом забыли, что они играют, сами поверили в свою игру. Выросли, детей завели...

– Слушайте, Иванцов, в это трудно поверить. Я скорее поверю, что они из книжки сбежали. Из какой-нибудь фантастической саги... Сбежали, потому что им там плохо было...

– Придется поверить, вот же они, перед вами... бойцы эти. Но до чего смелые, как они только продержались... Такая поразительная организация, так чисто уничтожали машины... мы уже думали, там террористы действуют. Как-то ведь пищу добывали, лечились чем-то, а там на комбинате дальше же вообще ничего живого нет, автоматика сплошная... Мужественный народ... Ребята, вы из какой книжки сбежали?

– Из книжки? – Юрка поднял голову от чашки.

– Ешьте, ешьте, не заморачивайтесь, – отмахнулся Морозов.

– Вы теперь... посадите нас в тюрьму? – спросил капитан.

– Да какая тюрьма, вас всех в больницу надо... Ну что, Иванцов, родных поищешь? Может, где мать-отец живы...

– Да, я кое-то посмотрел. У Юрия родители живы, у Алексея мать жива, у Галины Андреевны отец и бабушка... Надо связаться с ними, пусть забирают.

– Значит... нас разлучат? – ахнула Галочка.

– Да никто вас не разлучит, будете вместе, сколько захотите... – буркнул Морозов, – а капитан что? Этот... капитан Гор или как его там?

– В том-то и дело, что никак. Если бы хоть знать, как его зовут, а то поди-разбери, кто он... Там, вроде, два Тимура было, один, вы говорите, погиб, а этот, значит, второй...

– Ну хорошо... Обустрой их в конференц-зале, протокол все-таки напишем... И родным позвони... Надо бы их помыть, приодеть, ну ладно, это уже не наши проблемы... Завод, чего доброго, родителям счет предъявит, за попорченные машины, потом не расплатятся... Хотя нет, это вряд ли.

– Пойдемте, – Иванцов распахнул дверь.

Люди покорно встали, капитан подхватил Ваньку, Галочка взяла за руку Женю, Юрка тряс и толкал крепко уснувшего Алекса, наконец, схватил его подмышки и вытолкал в коридор, напоследок поклонившись портрету на стене. Морозов посмотрел на кресла, в которых валялись оброненные кем-то патроны, ржавые ножи, какие-то схемы, карты, обрывки бечевки, линолеум испещрила пестрая красно-бурая грязь, стол был усеян обрывками и обломками, в комнате висел горьковатый запах машинного масла и человеческой плоти.

На пороге капитан обернулся, обреченно посмотрел на Морозова. В этом взгляде Морозову показалась ненависть и отчаяние, ненависть к человеку, который только что отнял их мечту, их цель. Человек в дверях как будто надеялся,

что Морозов сейчас вернет им все это, вытащит из кармана и вернет, и снова все пойдет, как всегда.

– Ну что ты в самом деле, – не выдержал Морозов, – радоваться надо. Ты ведь хотел, чтобы война твоя кончилась?

– Ну... хотел. Только я не так себе все это представлял.

Юрка тоже ничего не понимал. Он не понимал, почему машины, когда-то несущие ужас и смерть, теперь поют песни, согревают комнаты и мирно показывают картинки на большом экране. Он не понимал, что за женщина появилась в комнате, почему она плачет и обнимает его, а заодно и Галочку, и Ваньку с Женей, и кричит «Юрик, исхудал-то как! А это невеста твоя, да? Галочка, значит? А это внуки мои, да?» Юрка не понимал, почему капитан Стар, всегда такой спокойный и рассудительный, теперь рвется из рук людей в форме, а Морозов машет руками, приговаривает: «Вы с ним потише, он не буйный, это аффект, это пройдет...» Юрка не понимал, почему его ведут к машине, у которой раскрывается дверь, и люди садятся туда, не боясь быть проглоченными, что же вы делаете, это же опасно, она вас сожрет, это же в шины стрелять надо, дайте кто-нибудь автомат...

2010 г.

Для всех

На склоне лет я наконец-то разобрался со всеми своими делами, наконец-то решился на то, о чем всегда мечтал – пожить для себя. Я купил землю – не самую дорогую, не самую дешевую, поселился подальше от шумных мегаполисов, написал детям и внукам, что у меня все хорошо.

Вначале у меня не было ничего – только кто-то создал до меня землю и небо. Тогда я сотворил свет, и назвал свет днем, а тьму ночью. Потом я отделил земную воду от воды небесной, и сотворил сушу на земном шаре, и населил ее растениями. Растения долго не приживались, ютились на дне океана, потом начали нехотя вылезать на берега, ползать по камням, неумело, неловко поднимать свои стебельки к солнцу.

Я подумал – и сотворил зверей земных и птиц небесных, и выпустил птиц в небо, пестрыми стаями, и выпустил зверей в зеленые заросли цветущего сада. Потому что к тому времени мой мир превратился в цветущий сад, как раз такой, о котором я мечтал всю жизнь, еще с тех пор, когда носил весточки из одной вселенной в другую, зажигал и гасил звезды, разворачивал пространство и время, чтобы они текли куда надо, а не куда им хочется.

Теперь у меня был цветущий сад – я ходил по нему денно и ночью, я не мог налюбоваться на крохотные цветы, усеяв-

шие поляны, на роскошные пальмы в южных широтах и мохнатый ягель, зябко жмущийся к земле в холодной тундре. Я смотрел, как колибри целуется с цветком, как серая цапля хватается из воды серебристую рыбу, как леопард подкарауливает крольчонка, затаился в зарослях, вот хорошо спрятался, не сыщешь, только подергивается черный кончик хвоста...

Так было – пока не появились они.

Кто они? Не знаю. Бестелесные души, настолько расплывчатые и туманные, что я даже толком не понимал, есть они или нет. Но они были, они окружили меня, двое, они просили – пустить их в цветущий сад...

Я пустил их – я дал им оболочки из глины, я открыл им врата моего мира, они вошли, они жили в моем саду, они ходили по тенистым рощам и солнечным лужайкам, они собирали с ветвей сочные плоды и ловили серебристых рыб в кристально чистой воде.

Так было... потом появились еще двое, две души – тонкие, расплывчатые, как будто сами сомневающиеся в том, что они есть. Они пришли – из ниоткуда, из небытия, из каких-то закоулков каких-то миров, о которых я ничего не знал, они приблизились ко мне, и просили меня пустить их на землю.

Я пустил их в цветущий сад. Они были очень благодарны мне, эти люди, они каждый день приносили мне богатые дары из моего же сада, как будто мне было что-то нужно, и пели мне хвалы, как будто было мне дело до их похвал.

Так продолжалось долго, какие-то годы, десятки лет, а потом один из них убил другого – как будто двоим не было место на моей земле.

Это было больно – когда убивают, боль убиенного отдавалась в моем сердце. Я зарекся пускать чужие души на мою землю, тем более – я даже толком не знал, что за души приходят ко мне. Но они приходили, они окружали меня – со всех сторон, они просили пустить их – хотя бы на год, на два, на три, выйти из холодного небытия, побродить по цветущим садам, побыть – побыть, почувствовать себя живыми...

Я пускал их – я был слишком радушный хозяин, я открывал перед ними врата, я давал им тела из глины, и они расселялись по земле, строили себе хижины и дворцы, деревеньки и города, они пахали землю, растили хлеб, гнали скот на сочные пастбища. Мало-помалу я начал привыкать к ним, они стали для меня частью моего сада, моей земли, такой же, как птицы в зарослях и цветы на тонких стебельках.

Но чем дальше, тем больше я начал замечать за ними что-то... странное что-то. То видел я, как один продает другого в рабство, то видел я, как хозяин хлещет плеткой своего раба, то видел я, как вор забирается в чужой дом, кинжалом убивает хозяина...

Я молчал. Я верил, что так и должно быть, в конце концов, у них была своя жизнь – у меня своя, и не мне было менять их. Так думал я, пока не появился он. кто он? Я не знаю, я никогда не знал их по именам, я даже не запоминал лиц,

все они были для меня одного рода... Он стал властелином какой-то страны, какой-то державы, люди боготворили его и прославляли до небес, и денно и ночью несли к его золотому дворцу драгоценные подарки.

Но этого ему показалось мало. Он собрал огромное войско, он пошел с войском своим за тридевять земель, он повелел солдатам своим жечь города, и убивать людей, и солдаты мешками несли золото из награбленных городов, приводили повелителю своему прекрасных женщин, и в честь властелина своего складывали среди опустошенных руин пирамиды из черепов.

Тогда я понял, что пустил в свой мир кого-то не того, не стоило мне пускать их. Я смешал воду небесную и воду земную, и отворил небесные окна, и сорок дней и сорок ночей шел дождь, и когда тучи рассеялись, ни одно из них не осталось на голой земле. Мало-помалу вода схлынула, из океана снова стали выползать на сушу цепкие водоросли, вылезать рыбы, ползать нежным брюхом по песку, неуклюже подниматься на ласты...

И снова зацвел мой сад.

А годы спустя снова появились они – какие-то души из какого-то небытия, они окружали меня, они вились вокруг, они просили пустить их в мой цветущий сад – хотя бы на день, на два... И я не выдержал, я отворил перед ними врата, я дал им тела из глины, я пустил их в тенистые рощи и на солнечные луга. Я даже придумал для них историю, как я утопил

всех, кто вел себя плохо, и оставил в цветущем саду только тех, кто не делал зла.

Я думал, все будет иначе... Напрасно я так думал, они остались такими же, как и были, они пришли на землю, чтобы отбирать друг у друга землю, которая им не принадлежала, и один человек продавал другого человека, и хозяин хлестал плеткой своего раба, и вор забирался в дом, и убивал хозяина кинжалом.

Я понял, что так продолжаться не может, я спустился к ним – в цветущий сад, я взял себе оболочку из глины. Я ходил среди них, я помогал им, чем мог, я учил их чему-то – чему когда-то учили меня самого. Что нельзя делать другим больно, что нельзя отбирать то, что принадлежит не тебе, нельзя вымещать на ком-то свою злобу, нельзя владеть тем, кто умеет мыслить и чувствовать, как ты сам...

Меня слушали. За мной ходили. Меня оберегали. Но мне было мало всего этого, больше всего я хотел поговорить с царем...

В один прекрасный день моя мечта сбылась, я приехал в столицу, и люди с восторгом встречали меня, и я был в столице, и говорил с людьми, и ел с ними их хлеб, а на третью ночь ко мне пришли стражники, и повели меня к человеку, который правил людьми. Я говорил с ним, я учил его любить других и не делать другим больно. Он слушал меня – кивал, соглашался, а к вечеру повел меня на высокую гору. Я шел за ним, счастливый, что достучался до чужих сердец, и те-

перь они перестанут делать друг другу больно...

...потом было больно мне. Очень больно. Я бросил свою глиняную оболочку, но боль не уходила, она была так велика, что я покинул свой цветущий сад, свою землю, ушел в большие мегаполисы, погостить у детей, у внуков, повидать своих бывших начальников, у которых я гасил и зажигал звезды... ужасы понемногу забылись, и странное дело – ни сном ни духом я не обмолвился о том, что творится в моем цветущем саду...

А там творилось. Я приучил себя не замечать войны и грабежи, но чем дальше, тем больше зла творили они, пришедшие в мой сад. Несколько раз я зарекался пускать в мой мир темные души, клялся себе сдержать обещание. Но как только я обещал – у врат моего сада обязательно появлялась чья-нибудь черная душа, порхала вокруг да около, вилась подле меня, умоляла пустить ее из небытия – хотя бы на год, на два... Я смотрел на них, я видел их, вот этот, чья аура светится лиловым, заколет ножом свою жену, а вот этот, с темно-багровой аурой, будет инквизитором, а этот, аура которого светится черным, – завоюет четыре страны, сожжет их дотла и зальет кровью.

Я видел их, я не хотел их пускать в мой мир – но души вились вокруг меня, и умоляли дать им жизнь, хотя бы ненадолго, и я отворял врата. И все случилось так, как я предвидел, и кто-то убивал ножом свою жену, и кто-то пытал людей в темных подвалах, и кто-то завоевал четыре страны, и сжег

их дотла, и затопил их кровью.

Я научил себя не замечать их, они стали частью моего сада – не более. Но чем дальше, тем больше я чувствовал, что от моего сада остается все меньше и меньше. Они, случайные гости в моем мире, вырубали мои цветущие деревья, топтали мою траву, высасывали из земли ее соки, а потом выливали эти соки в когда-то кристально чистые реки. И я чувствовал, что больше не могу пускать кого попало, вот этот – он придет на землю, чтобы построить серый дом, ощеренный трубами, и из этих труб будет валить удушливый дым, из-за которого будет не видно солнце. И я не хотел пускать его в свой мир, я отгонял назойливую душу. Но душа не уходила, душа вилась вокруг меня, просила пустить ее – посмотреть на солнце, на небо, походить по земле, и я пускал...

Чем дальше, тем страшнее становилось на моей земле. Нет, души не стали хуже, они были такими же темными, как раньше, но если на заре веков темная душа собирала войско и с огнем и мечом гнала солдат на чужие города, то теперь темные гости сажали своих солдат в боевые машины, под гусеницами которых трескали тонкие деревца, и под выстрелами которых горела земля, и где были шумящие леса, оставались выжженные земли...

Что поделаешь, я был очень добрый...

Время шло, я все ждал, когда все души вдоволь наживутся в моем мире, и уйдут – но души не кончались, они шли и шли из какого-то небытия, из какого-то темного мира,

в котором ничего не было, были только холод и тьма... Кто-то, уже поживший в моем саду, рвался туда снова, истосковавшись по цветущим лугам и голубому небу. Я пускал их, они приходили, вспоминая свои старые жизни, и шарлатаны на каждом углу обещали предсказать вновь прибывшим, как они жили сколько-то веков назад...

И если в прошлой жизни кто-то убивал себе подобных, то и в этой жизни он становился убийцей, и если кто-то в прошлой жизни нес страдания и боль, то и в этой жизни заставлял он всех проливать горькие слезы, и если человек в прошлой жизни гнал армии на восток и на юг, на север и на запад – то и в этой жизни его солдаты жгли города...

Я не хотел пускать темные души, которые теперь уже не только губили друг друга, но и жгли мой цветущий сад. Я закрывал ворота, как только видел души, чьи руки были обогрены кровью, или посыпаны пеплом. Души плакали и просили пустить их в мир. Я представлял себе, каково им в их темной холодной вселенной, где нет никого и ничего, где только пустота и небытие, и чьи-то умы изнемогают от бездействия. Я открывал ворота. Потом спохватывался, то и дело забирал грешные души назад. В темноте ночи являлся их матерям, просил вернуть грешные души в небытие, ведь сколько зла они натворят, если останутся здесь... Женщины соглашались, поутру не могли вспомнить разговор со мной, помнили только обещание, данное мне... Власти и социологи сокрушались, что растет число абортотворцев и бездетных жен-

щин, а я как мог, отгонял от своего сада темные души.

А темные души не убывали... Откуда их столько вообще, их темный мирок небытия кажется совсем крохотным, а оттуда летят и летят духи, темные, светлые, золотые, нежно-голубоватые, прозрачно-розовые, пурпурные, загадочно-синие, мрачно-лиловые, светящиеся черным – я и не думал, что черный может светиться. Они приходили – стучались в мое сознание, бились в ворота, сквозь щелки в ограде смотрели, как цветут деревья, как светит солнце, как порхают птицы. Кажется, я сам был виноват, не надо мне было пускать всех и каждого, и правых и виноватых, и хороших, и не очень, и тех, кто пришел создавать, и тех, кто пришел разрушать. Но что поделаешь, души они и есть души, и душа тирана точно так же страдает в небытие, как и душа художника...

А что мне делать... вот они опять идут ко мне, полчища, полчища, вон тот, крайний, вроде ничего, правда, будет гулять по кабакам, но при этом напишет много красивых стихов... Этот тоже сгодится, хороший человек, примерный семьянин, будет любить жену и детей... Ах да, он же развяжет четыре войны на востоке, и снова в песках будут лежать горы черепов...

А дальше еще страшнее... этот будет качать нефть со дна морского, отравит нефтью весь океан, а этот начнет расщеплять ядро земли, и что тогда будет с планетой, я не знаю...

Гнать их... И так уже молятся мне по всем храмам, ругают

меня, проклинают меня, зачем ты пускаешь в мир злодеев, убийц, воров, насильников, тиранов, зачем плач, зачем глад, зачем кровь, зачем смерть... А как я могу им объяснить, зачем пускаю на землю всех, да как не пускать, что, написано, что ли, на земле этой, кому жить на ней, а кому не жить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.